ДАНИЛА ДУНАЕВ

ПЕРВЫЙ КРУГ

ПРАВО ЧУДОВИЩА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Данила Дунаев

Первый круг. Право чудовища. Том I

«Автор»
2026

Дунаев Д.

Первый круг. Право чудовища. Том I / Д. Дунаев — «Автор», 2026

Бесконечная мана. Восемь слабейших заклинаний. И мир, который ещё не знает, какое чудовище он пробудил.Максима Орлова предали и убили. Он потерял семью, любовь и саму жизнь. Но смерть подарила ему второй шанс — в мире, где милосердие считается слабостью, а сильные решают, кому позволено жить.Теперь его зовут Кайрен.Его запас маны практически неисчерпаем. Но есть проклятое ограничение: ему доступны лишь восемь заклинаний первого круга. Пока архимаги сокрушают крепости, он вынужден превращать простейшую магию в смертельное оружие.Его недооценивают. Предают. Пытаются уничтожить.И каждый раз он возвращается опаснее.Но за силу приходится платить. Каждая победа отнимает частицу человечности. Каждая смерть делает следующий выбор проще.Он не собирался становиться чудовищем.Но однажды ему придётся решить: почему он вообще должен оставаться человеком ради мира, который не знает жалости?

© Дунаев Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Цена правильной жизни 5
Часть I. Последний хороший человек 7
Глава 1. Три работы 7
Глава 2. День, который должен был принадлежать семье 15
Глава 3. Чужая кровь 25
Глава 4. Цветы и холодный ужин 32
Глава 5. Последняя мысль Максима Орлова 38
Глава 6. Кот между мирами 44
Глава 7. Младенец у дороги 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Данила Дунаев
Первый круг. Право чудовища. Том I

Пролог. Цена правильной жизни

В тот вечер Максим Орлов купил жене семь белых пионов. Через несколько дней он умрёт, так и не узнав, когда именно его дом перестал быть его домом.

Если бы кто-нибудь предупредил его, Максим, скорее всего, не поверил бы. Он привык к бедам, которые можно исправить: заменить сгоревший кабель, найти деньги до зарплаты, отвезти ребёнка к врачу. Предательство не укладывалось ни в одну из этих задач. Смерть — тем более.

В цветочном магазине играло радио. Ведущий бодро перечислял пробки на МКАД, а продавщица ждала, пока покупатель решится. Максим смотрел на ценник и переводил деньги в часы: четыре тысячи восемьсот рублей — почти шесть часов ночной смены. Или новые тормозные колодки. Или две недели школьных обедов Егора.

— Может, пять? — предложила продавщица. — Дешевле выйдет.

Он посмотрел на пионы. Лепестки были плотные, прохладные, почти прозрачные по краям. Софии понравились бы: она наверняка спросила бы, почему цветы похожи на облака.

— Все семь.

Продавщица достала бумагу и ленту.

— Повод какой?

Максим мог бы сказать: годовщина. День рождения. Примирение. Но ничего подобного не было. Просто сегодня начальник отпустил его с аварийного объекта раньше обычного. Сигнализация срабатывала из-за воды в распаечной коробке; неисправность удалось устранить, а ночную смену неожиданно отменили.

— Хочу успеть домой к ужину, — ответил он.

Произнеся это вслух, он почувствовал себя глупо. Будто возвращение домой вовремя было подарком, за который полагалось благодарить.

Пока продавщица перевязывала стебли, в стекле витрины отразился сутулый мужчина в дешёвой куртке. Максим попробовал представить, как будет выглядеть с букетом на пороге квартиры: не уставшим инженером, который вечно обещает прийти пораньше, а мужем, которого ждали.

Он расплатился. На улице телефон показал сообщение Алины: «Не забудь, пожалуйста, про таблетки Софии». Максим купил их ещё утром. Отправил фотографию аптечного пакета и сердечко. Подождал, пока появятся три точки набираемого ответа.

Экран погас.

«Занята детьми», — решил он. И не стал придумывать другие объяснения.

В соседней лавке Максим взял горячую курицу, картофель, два пирожных и бутылку безалкогольного вина. Пакеты оттягивали пальцы. Правый носок промок, поясница ныла после смены. Всё это казалось мелочью: через сорок минут он должен был оказаться дома.

На светофоре пришло сообщение от Егора: «Пап, ты сегодня правда придёшь до того, как я усну?»

Максим набрал «Обещаю». Посмотрел на слово и стёр его. Вместо этого написал: «Очень постараюсь».

Он ненавидел эту фразу. Ею взрослые прикрывали всё, что не решались пообещать детям.

За стеклом мокрые остановки сменялись окнами домов. На одной женщина застёгивала мальчику шарф; тот смеялся и вырывался. Максим вспомнил, как Егор когда-то требовал, чтобы отец сам завязывал ему шнурки. Теперь сын справлялся без него. Он должен был радоваться. Вместо этого почувствовал, что пропустил ещё одну маленькую часть чужой жизни.

У дома на девятом этаже горел свет. Максим задержал взгляд на окне и улыбнулся: представил, как Егор схватит пирожные, София потянется к цветам, Алина спросит, не слишком ли он устал.

Он не знал, что запомнит этот свет лучше многих счастливых дней. Не знал и того, что однажды, уже в другом мире, ему предложат силу, которой хватит, чтобы заставить целые города подчиниться его воле.

И что тогда самым трудным окажется не научиться убивать.

А решить, кого он больше не станет спасать.

Часть I. Последний хороший человек

Глава 1. Три работы

Будильник зазвонил в четыре сорок пять, но Максим проснулся за минуту до сигнала. Организм научился делать это сам — после полутора лет ранних смен он уже не доверял телефону.

В комнате было холодно. На подоконнике дребезжала пластиковая ручка окна; ещё летом он обещал заменить уплотнитель, но каждый раз находилась работа важнее. Алина спала лицом к стене. От её плеча до края кровати оставалось достаточно места, чтобы Максим мог подняться, не задев одеяло. Он сделал это медленно, придерживая колено рукой.

В ванной зеркало запотело от воды, которой он умывался. Он провёл ладонью по стеклу. Под глазами залегли тени, на виске появилась седая прядь. Тридцать четыре года. Отец в его возрасте казался человеком, у которого всё уже решено. Максим же не мог решить даже, когда отдать машину на диагностику.

На кухне горела маленькая лампа над столешницей. Алина приготовила ему гречку с курицей, два бутерброда и термос кофе. Рядом лежала записка на листке с детскими наклейками: «Любимый, не забудь поесть. Мы тебя очень любим». Внизу стояла буква «А» и маленькое кривое сердце.

Он сфотографировал записку и отправил жене сообщение: «Спасибо. Спи». Затем открыл банковское приложение. Восемнадцать тысяч шестьсот сорок два рубля. До аванса девять дней. Через четыре дня — платёж за машину. Через шесть — ипотека. Детский сад Софии выставил квитанцию за дополнительные занятия, Егор попросил новые кроссовки, а на прошлой неделе из управляющей компании пришло уведомление о перерасчёте отопления.

Максим вынул блокнот, который носил с собой ещё с тех времён, когда работал на одном месте. На последней странице были записаны суммы, обведённые в кружки. Он прибавил возможную ночную смену в четверг. Потом вторую, субботнюю. Цифры всё равно не сходились.

— Ладно, — сказал он вслух. — До пятницы дотянем.

Пока он застёгивал куртку, в дверях появилась Алина. Она не включила свет, и её лицо осталось в тени коридора. На ней была старая футболка Максима — та самая, с выцветшим логотипом строительной фирмы, которую закрыли три года назад.

— Ты опять считаешь? — спросила она.

— Кое-что сверил. Спи, ещё рано.

— Я не про деньги. — Алина посмотрела на раскрытый блокнот. — Ты опять считаешь, сколько часов тебе надо прожить на работе, чтобы нам хватило на жизнь.

Максим улыбнулся, надеясь, что шутка получится сама собой. Не получилась. Алина прошла на кухню, закрыла блокнот и положила на него ладонь.

— Егор вчера спросил, почему ты всегда уходишь ночью. Я сказала, что ты работаешь. А он спросил, что будет, если ты перестанешь.

— И что ты ответила?

— Что мы будем есть макароны. — Она помолчала. — Я сказала это шутя. Он не засмеялся.

Максим взглянул на часы. Если выйти сейчас, успеет к автобусу, который идёт без пересадки. Если задержаться на десять минут, придётся брать такси и отдавать за дорогу стоимость обеда.

— Я поговорю с ним вечером.

— Ты вчера тоже так сказал.

— Вчера был аварийный вызов.

— Я знаю, Макс. Я всегда знаю, почему тебя нет. Мне бы хоть раз знать, когда ты будешь.

Он мог сказать, что она несправедлива. Мог перечислить платежи, цены, врачей и детские кружки. Всё это было правдой, но правда не отменяла того, что он стоял перед женой уже одетый, а она разговаривала с его спиной.

— В воскресенье не возьму смену, — сказал Максим.

— Ты обещал её Сергею.

— Откажусь.

— Мне не нужна ещё одна клятва, — сказала Алина. — Мне нужно знать, что ты понимаешь, от чего отказываешься. Если в субботу останешься дома, денег не прибавится. Если уйдёшь — Егор снова будет ждать у окна. Я устала быть той, кто объясняет ему твой выбор. — Она отпустила блокнот. — И я устала делать вид, будто у нас есть хороший вариант.

Алина кивнула, но не обрадовалась. Именно это задело его сильнее, чем упрёк. Он ждал благодарности за жертву, которую ещё не принёс.

Он налил кофе в термос, проверил, закрыт ли холодильник, и уже в прихожей заметил детский рисунок, приклеенный к шкафу. Четыре человечка стояли перед домом. Над самым высоким было написано «ПАПА». От его рук отходили две длинные линии, соединявшие остальных. Егор объяснил, что папа держит семью, чтобы её не унесло ветром. Максим тогда засмеялся, а потом попросил сына оставить рисунок ему.

На лестничной клетке пахло мокрым картоном. Лифт снова не работал. Максим спустился с девятого этажа, стараясь не наступать слишком сильно на правую ногу: вчера он подвернул голеностоп, когда вытаскивал из технического подвала насос. На улице было ещё темно. Дворник подметал дорожку перед подъездом, хотя листья уже примерзли к асфальту.

— Рано сегодня, — сказал дворник.

Дворник, Махмуд, каждое утро подметал двор длинной щёткой с расползающейся щетиной. Максим знал, что у него трое детей и что он почти не говорит по телефону при людях: слишком дорого обходились разговоры домой. Они обменивались двумя-тремя фразами уже год, но ни разу не спросили друг друга, хорошо ли живут.

Сегодня Махмуд поднял глаза от лужи и спросил:

— Ты когда спишь, Максим? — Махмуд не переставал подметать.

Вопрос застал его врасплох именно потому, что сосед не просил ни денег, ни помощи, ни отчёта. Максим не нашёл подходящей шутки.

— Когда получается.

У подъезда стоял сосед с третьего этажа, Николай Петрович, бывший электрик. В руке у него была коробка с перегоревшими лампами, которые он почему-то собирал, прежде чем отнести в пункт приёма.

— Максим, выручи, — сказал сосед. — У нас в щитке опять трещит. Вчера искры пошли. Управляющая компания обещала мастера в понедельник.

Максим посмотрел на часы. До автобуса оставалось семь минут.

— Не включайте пока плиту и обогреватель. И соседей предупредите. Я вечером посмотрю, если не приедут.

— Ты же с этим работаешь. Пять минут дела.

— Если там горит контакт, пять минут — как раз чтобы устроить пожар. Звоните в аварийную службу, сейчас.

Старик обиделся. Максим увидел это по тому, как тот прижал коробку к груди, будто собирался защищаться. Ему хотелось подняться на третий этаж, показать, что он хороший сосед и умеет помочь. Но однажды, работая на объекте, он уже видел, что бывает после такой пятиминутной помощи: выгоревшая кухня, закопчённые детские фотографии, женщина с ожогом на шее.

— Николай Петрович, я не отмахиваюсь. Это опасно. Давайте я сам наберу диспетчера.

Он позвонил, дождался регистрации заявки, записал номер на обороте старой квитанции и только потом побежал к остановке. Автобус ушёл у него на глазах.

Водитель видел, как Максим махнул рукой. Даже не притормозил.

Максим стоял на мокром асфальте и считал: такси — четыреста двадцать рублей; опоздание — минус премия за пунктуальность; следующая маршрутка — через двадцать минут. Выбрал такси. В тот день он впервые подумал, что добрые поступки почему-то всегда оплачиваются с его карты.

Первая работа находилась в торговом центре за сорок минут езды. Официально Максим числился инженером по эксплуатации. На практике его вызывали ко всему, что гудело, текло, искрило или просто переставало работать в неподходящий момент. Сегодня на его телефоне было семь пропущенных от мастера смены и сообщение от начальника: «К девяти запустить линию. Без вариантов».

У турникета его встретил Илья — с журналом аварийных заявок под мышкой и пятном машинного масла на рукаве.

— Только не говори, что опять контактор, — попросил он.

— Пока ничего не говорю.

В электрощитовой пахло горячим пластиком. Под кабельным лотком темнело влажное пятно. Максим присел, посветил фонарём на изоляцию и увидел трещину там, где кабель прижимался к трубе отопления. Ночью защита отключила линию прежде, чем произошло худшее.

— Поменяем контактор, и поедет? — спросил дежурный инженер заказчика.

— Контактор исправен. Нужно заменить участок кабеля и убрать воду.

— Можно временно обойти защиту? До вечера, потом сделаем как положено.

Максим не сразу ответил. Он представлял, как в соседнем зале продавцы открывают ролеты, как у арендатора тает мороженое в выключенных холодильниках, как начальник считает штраф за простой. И всё-таки перед ним лежала жила с потрескавшейся оболочкой.

— Обойти можно, — сказал он. — А потом кому-нибудь придётся объяснять семье электрика, почему его убило. Я этого делать не буду.

— У нас двести тысяч потерь в час.

— Тогда резервный кабель обойдётся дешевле.

Инженер раздражённо ушёл звонить руководству. Илья присел рядом.

— Сергей тебе голову оторвёт.

— Если найду кабель, оставит на месте.

Кабель нашёлся на складе другого объекта. Пока его везли, Максим договорился о двух монтажниках с допуском, составил временную схему и сам прошёл весь путь прокладки, проверяя, не окажется ли короб возле горячих труб. Он работал быстро, но каждый раз останавливался там, где поспешность могла обернуться новым отказом. К полудню линия заработала. Заказчик подписал акт ввода, даже не поблагодарив.

Сергей вызвал Максима в кабинет сразу после обеда. На столе лежали распечатанные фотографии повреждённого кабеля.

— Ты хороший специалист, Орлов, — начал начальник. — Но ты когда-нибудь думаешь о людях, кроме себя?

— Я сегодня как раз о них думал.

— У меня двадцать шесть сотрудников. Если клиент уйдёт, половина останется без премии. У Артёма жена беременная, у Ильи аренда подорожала. Ты можешь хоть раз подумать не только о том, как правильно?

Максим смотрел на потёртую ручку шкафчика за спиной Сергея. Он не любил, когда чужие семьи выставляли против его собственной. Но и отмахнуться не мог: монтажники действительно ждали денег.

— Я нашёл решение. Линия работает. Никто не пострадал.

— Переработку не поставлю. Сам затянул.

— Мы начали вовремя, — сказал Максим. — Кабель пришлось везти через город.

— Вот и объясни это бухгалтерии.

Сергей отвернулся к монитору. Разговор был окончен. Максим вышел, не хлопнув дверью. Он хотел доказать, что прав, но вместо этого думал, сколько денег потеряет из-за сегодняшней смены.

У двери кабинета Максим остановился, услышав, как Сергей уже разговаривает по телефону с заказчиком. Голос начальника был спокойным, почти любезным: он обещал закрыть вопрос до вечера. Максим понимал, что тот не выдумал опасность для премий. Но ложный акт превращал неисправность в отсутствие неисправности — и делал следующий перегрев вопросом времени. Этого он подписать не мог. Гораздо труднее было признать, что чужой страх за зарплату от этого никуда не исчезал.

В технической комнате Илья сидел на подоконнике и чистил мандарин. Максим открыл контейнер с гречкой; еда слиплась в холодный ком.

— Ты опять за двоих? — спросил Илья.

— Сегодня за троих. После склада ещё заказы развозить.

— И что, помогает?

— Пока не знаю.

— Деньги-то остаются?

Максим помешал гречку вилкой. Илья протянул ему половину мандарина, и он неожиданно взял. От кожуры пахло декабрём, хотя до зимы было ещё далеко.

— У меня брат месяц назад уволился, — сказал Илья. — Просто выключил телефон и неделю спал. Говорит, впервые за пять лет понял, что у него есть спина.

— Хорошо, когда можно неделю не работать.

— Он теперь меньше получает.

— Вот именно.

Илья хотел что-то добавить, но Максим вспомнил о субботе: они с Егором обещали собрать модель космического корабля. В коробке не хватало одного винта, и сын уже неделю искал его по всей квартире.

— А у тебя как с квартирой? — спросил Максим. — Решилось?

— Нет. Хозяйка подняла аренду. Думаем к родителям Оли переехать. Тесно, зато хоть по вечерам видеться будем.

Максим посмотрел на него с неожиданной завистью. Илья мог говорить «думаем», будто у семьи оставалось право выбирать. Сам Максим уже давно принимал решения по календарю платежей.

В дверях появился молодой монтажник Артём с распечаткой.

— Сергей просил подписать акт. Сказал, без него премию никому не закроют.

Максим прочитал графу «Причина отключения»: «Ложное срабатывание автоматики». О перегреве изоляции не было ни слова. Подпись ответственного инженера оставалась пустой.

— Я это не подпишу.

— Но Сергей сказал…

— Я слышал.

— У нас премия за месяц, — произнёс Артём тихо. — Я на неё рассчитывал.

Максим взял ручку, зачеркнул ложную причину и вписал фактическую неисправность, номер заявки и дату временного подключения.

— Передай Сергею: исправленный акт подпишу сейчас. Под ложью моей подписи не будет.

Артём не взял бумагу.

— Опять за всех решил.

Он вышел, оставив дверь открытой. Максим хотел возразить, что решал только за себя. Но это было бы неправдой. Он действительно не спросил Артёма, готов ли тот потерять деньги ради принципа, который ему не принадлежал. Ответственность, которой Максим гордился, иногда слишком напоминала привычку распоряжаться чужой ценой.

— Он остынет, — сказал Илья.

— Может быть.

— А ты?

Максим сложил акт пополам. Он не знал, что ответить.

В два часа он выехал на вторую работу — обслуживать складской комплекс. Там сломался датчик уровня воды, и насос то запускался без причины, то молчал, когда поднимался уровень в резервуаре. Максим проверил поплавок, нашёл перетёртый провод и заменил его. Начальник склада предложил оплатить работу наличными, если Максим не будет оформлять заявку. Максим отказался: в прошлый раз из-за такой экономии с него же удержали стоимость деталей. Начальник пожал плечами и сказал, что тогда расчёт придётся ждать до конца недели.

К вечеру Максим уже едва чувствовал пальцы. Он сидел в машине на парковке склада, когда приложение доставки предложило повышенный коэффициент за вечерние заказы. На экране всплыло сообщение Егора: «Пап, а корабль в субботу соберём?»

Он открыл переписку с Егором. Последнее сообщение сына было коротким: «Ты сегодня успеешь?» Максим набрал: «Конечно». Стер. Написал: «Очень постараюсь» — и отправил, прежде чем успел передумать.

До первого адреса навигатор обещал двенадцать минут. Максим знал: это означало двадцать.

Вечерний город уже зажигал витрины. Максим поправил телефон на держателе, включил навигатор и принял первый заказ. В кармане лежала распечатка акта: он так и не успел отнести её Сергею.

Он подумал о детском корабле на подоконнике и нажал кнопку «Начать смену».

Первый заказ оказался тяжёлой коробкой с посудой, которую нужно было поднять на пятый этаж без лифта. На третьем Максим остановился перевести дыхание. Из-за двери пахло жареным луком, слышался детский смех. Он подумал, что Егор, наверное, уже поужинал. София скоро ляжет спать. Алина, возможно, ждёт его звонка.

На площадке пятого этажа дверь открыла женщина в халате с влажными рукавами. За её спиной мальчик лет восьми сидел на полу, обложившись деталями конструктора. Он поднял голову, увидел коробку и бросился к ней.

— Мам, это оно? Там точно всё?

— Не трогай, — сказала женщина и повернулась к Максиму. — Подождите. Я сейчас проверю.

Она разрезала упаковочную ленту кухонным ножом. Максим стоял на пороге с мокрой от пота спиной. В приложении уже тикало время до следующего заказа. На дне коробки лежали тарелки с нарисованными синими птицами. Женщина доставала их по одной, поворачивала к свету и проверяла края пальцем.

— Вы можете отметить получение? — спросил Максим.

— Если целые. Мне потом с магазином разбираться, а не вам.

Он кивнул. Она была права. От этого не становилось легче.

Мальчик заглянул в коробку и спросил, можно ли сегодня есть из новых тарелок. Мать сказала, что сначала их нужно вымыть. Мальчик принялся объяснять, какую тарелку возьмёт папа, когда вернётся. На слове «вернётся» женщина замерла с блюдцем в руке.

— Папа не сегодня, — сказала она.

— Ты вчера сказала сегодня.

— Я ошиблась.

Максим отвернулся к лестнице. За дверью чужой квартиры продолжался разговор, слишком знакомый по интонации, чтобы его можно было слушать спокойно. Он дождался подтверждения, спустился вниз и сел за руль. Сразу трогаться не стал. В зеркале заднего вида отражалось лицо человека, который мог объяснить устройство любого электрического щита, но не мог назвать сыну день, когда у них будет общий вечер.

Телефон завибрировал. Звонил Егор.

— Пап, ты не спишь?

— Нет, командир. Работаю. А ты почему не спишь?

— Я винт нашёл. Который от корабля. Он под батарею закатился. Я линейкой достал.

Максим улыбнулся, представив, как сын лежит животом на полу, высунув язык от старания.

— Отличная работа. Значит, теперь соберём.

— А ты помнишь, что в субботу?

Максим посмотрел на календарь в телефоне. В субботу стояла пометка «подработка — согласовать». Не подтверждённая смена. Деньги за неё закрывали часть просрочки по кредитке. Он мог отказаться, если бы заранее решил, откуда возьмёт недостающую сумму.

— Помню, — ответил он.

— Скажи, что мы будем делать сначала.

— Сначала найдём кабину. Потом двигатель. А крылья в самом конце, чтобы не мешали.

— Это не самолёт, пап. У него солнечные панели.

— Точно. Прости, инженер.

Егор засмеялся. Максим услышал, как где-то далеко в квартире скрипнула дверь.

— Мама идёт, — прошептал мальчик. — Я просто хотел проверить, что ты не забыл.

— Не забыл.

— Пока.

Связь оборвалась. Максим ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом открыл сообщение от диспетчера: «Суббота, двойная ставка, ответ нужен до утра». Он набрал: «Беру».

Он удалил слово и закрыл переписку. Это не решало вопрос с кредиткой. Это вообще ничего не решало, кроме одного: сегодня он впервые не отдал субботу заранее.

Через минуту позвонил Сергей.

— Ты мне акт оставил? — спросил он без приветствия.

— Исправленный. Подпишу завтра, если там останется настоящая причина.

— Завтра комиссия. Нам нужен закрытый объект, Максим. Ты понимаешь, сколько людей из-за тебя премии не увидят?

— Если замкнёт проводку, сколько людей останутся без работы навсегда?

— Не надо со мной так разговаривать. Я тебе предлагаю вариант: мы меняем формулировку, ты получаешь деньги и все расходятся. А потом в плановом порядке переделаем линию.

Максим прижал пальцы к переносице. Он слишком хорошо знал, как выглядят «плановые» работы, которые никто не включил в бюджет. И знал, что Сергей действительно может лишить смену премии.

— Поставь объект на ограничение до ремонта, — сказал Максим. — Я завтра покажу, где перегревается контакт. Это займёт десять минут.

— Ты ведь понимаешь, что я могу тебя уволить?

— Понимаю, — ответил Максим.

— И всё равно?

Максим посмотрел на список платежей, закреплённый в заметках. В этот момент он не чувствовал себя ни смелым, ни правым. Ему было страшно. Он думал о квартплате, о лекарствах Софии, о том, что Илья с Артёмом могут отвернуться от него. И о том, как просто было бы сказать «ладно».

— И всё равно, — ответил он.

Сергей сбросил вызов. Максим положил телефон экраном вниз и выдохнул. От принятого решения не стало легче. Его принципиальность не превращалась в деньги, не грела квартиру и не объясняла Егору, почему папа опять не дома. Но он ещё верил, что существуют вещи, которые нельзя обменивать на удобство. Даже когда за отказ платят другие.

На секунду ему захотелось набрать Алину и рассказать, как всё произошло, прежде чем она узнает об очередной задержке зарплаты. Он представил её молчание, потом вопрос: «И что теперь?» — и понял, что ответа нет. Он мог объяснить, почему нельзя было подписывать акт. Но не мог объяснить, за счёт чего они проживут, если Сергей исполнит угрозу.

На навигаторе мигнул новый адрес. Максим завёл двигатель. Впереди оставалось несколько часов, и он уже знал, что завтра проснётся с ощущением неоконченного разговора.

Позже он попытался позвонить домой. Дети не ответили, а телефон Алины оказался вне сети. Максим посмотрел на часы, отложил разговор до утра и принял следующий заказ.

К полуночи оставалось два адреса. На одном клиент требовал поднять упаковки воды до квартиры, хотя в заказе была указана доставка до подъезда. На другом женщина минут десять искала мелочь и всё время повторяла, что у неё маленький ребёнок, поэтому Максим должен подождать. Он подождал. Он вообще хорошо умел ждать, уступать и делать так, чтобы окружающим было удобнее.

Домой он вернулся в час семнадцать. На кухне стояла тарелка под плёнкой. Алина оставила записку: «Разогрей. Не стала будить детей». Максим съел холодную котлету, не снимая куртки, и пошёл в детскую.

Егор спал поперёк кровати. На полу лежали детали того самого космического корабля. На инструкции красным фломастером было обведено слово «вместе». Максим поднял лист, разгладил его и положил на стол. В воскресенье, решил он, они обязательно соберут модель. Если в субботу придётся выйти, воскресенье он никому не отдаст.

София проснулась, когда он наклонился к её кровати.

— Папа?

— Я здесь, зайка.

— Ты завтра будешь?

— Буду.

Она потёрла глаза кулачком.

— Дома?

Максим прислонился к стене и несколько секунд не мог заставить себя выпрямиться.

— Постараюсь.

— А можно не стараться, а просто быть?

Максим не нашёл ответа. София уже засыпала, прижимая к груди плюшевого зайца с оторванным ухом. Он поправил ей одеяло, постоял рядом и вышел.

Алина лежала в спальне с телефоном. Когда он вошёл, экран погас.

— Привет, — сказал Максим.

— Привет. Поздно.

— Заказов много было.

— Я поняла.

Он сел на край кровати. Хотел рассказать о Сергее, неисправном кабеле, складе и женщине, которая долго проверяла посуду в коробке. Вместо этого спросил:

— Как дети?

— Нормально. София кашляла, но температуры нет.

— В субботу, может, сходим в парк? Я ещё не обещал смену.

Алина повернула голову.

— Если получится.

— Получится.

Он произнёс это слишком уверенно и сам услышал фальшь. Алина тоже, наверное, услышала, но спорить не стала.

— Иди в душ, — сказала она. — От тебя холодом тянет.

Максим поднялся. Уже в дверях он обернулся:

— Алин, у нас всё нормально?

Она взглянула на часы, прежде чем ответить.

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Просто спрашиваю.

— Максим, почти два часа ночи. Давай завтра.

Он кивнул и закрыл дверь.

Под горячей водой он думал не о том, почему жена убрала телефон, а о завтрашнем разговоре с Сергеем. О незнакомом мужском голосе, который мельком услышал во время дневного звонка домой, он старался не вспоминать: связь тогда прерывалась, Алина сказала, что рядом работает телевизор. Он не стал переспрашивать.

Пока вода стекала по спине, Максим повторял привычную арифметику: работа приносит деньги, деньги защищают семью, семья оправдывает работу. В этой формуле всё сходилось, кроме одного — его самого дома почти не бывало.

Когда он вышел из ванной, Алина уже спала. Или притворялась. Максим лёг на самый край кровати и поставил будильник на четыре сорок пять.

До подъёма оставалось три часа двадцать восемь минут. Максим знал это точно: считать время он умел лучше, чем тратить его на жизнь.

Глава 2. День, который должен был принадлежать семье

В пятницу, в шесть сорок вечера, Максим стоял в очереди к кассе с двумя пакетами молока, дешёвыми макаронами и набором маленьких пластиковых ракет. Ракеты он взял у самой кассы — прозрачная коробка с красной наклейкой «Распродажа». Внутри было шесть деталей и крошечная фигурка космонавта. Егор просил не игрушку, а чтобы отец помог ему закончить корабль из картона. Но Максим почему-то решил, что фигурка пригодится. Возможно, так было проще: купить космонавта, чем найти время для настоящего разговора.

Телефон завибрировал, когда кассирша уже пробивала покупки.

«Макс, привет. На завтра нужен второй человек. Вентиляция, склад в области. Двадцать пять чистыми за день. С шести до восьми, если без сюрпризов. Ответ до девяти».

Написал Серёга Климов, бывший напарник. Максим перечитал сообщение. Двадцать пять тысяч — почти половина ипотечного платежа. В голове сразу выстроился привычный столбик: кредит, лекарства, садик Софии, долг за ремонт машины. Потом он вспомнил, что пообещал Егору субботу.

— Мужчина, карту приложите, — сказала кассирша.

Он приложил телефон не той стороной. Терминал пискнул отказом. За спиной кто-то шумно вздохнул. Максим перевернул аппарат и расплатился.

На улице шёл мокрый снег, хотя до зимы оставалось ещё несколько недель. Пакеты больно врезались в пальцы. У подъезда он увидел знакомый велосипед с криво закреплённым передним крылом: соседский мальчишка оставил его под дождём. Егор просил такой же. Максим когда-то сказал: «К весне купим». Весна прошла, за ней лето.

В лифте он набрал Серёге: «Пока нет. Обещал семье выходной».

Ответ пришёл раньше, чем двери разъехались: «Понял. Жаль. Там работа простая, но один не вывезу».

Максим убрал телефон. Простая работа никогда не была простой, когда за неё обещали двадцать пять тысяч.

✦ ✦ ✦

Егор сидел на полу посреди комнаты. Из обувной коробки торчали картонные крылья, обклеенные серебряной фольгой. София, поджав ноги, раскрашивала лист бумаги в ярко-фиолетовый цвет.

— Папа! — Егор поднял голову. — Смотри, я придумал посадочные опоры. Только они падают.

Максим поставил пакеты и присел рядом. Сын показал четыре палочки для суши, прикреплённые пластилином к днищу коробки. Стоило поставить корабль, как одна опора разъезжалась.

— Слишком узкое основание, — сказал Максим. — Если разнести точки крепления, будет держаться.

— Я пробовал. Клей закончился.

— Завтра купим. И сделаем как надо.

Егор посмотрел на него внимательно, без обычного детского восторга.

— Завтра точно?

Максим почувствовал, как у него неприятно стянуло горло.

— Точно.

— Даже если на работе позвонят?

— Даже если позвонят.

София подняла рисунок: три фиолетовые фигуры стояли на зелёной полосе. Четвёртая была нарисована отдельно, на самом краю листа.

— Это мы, — объяснила она. — А это папа. Он едет.

— Куда?

— На работу.

Девочка произнесла это без обиды. Так же спокойно она могла бы сказать, что за окном идёт дождь. Максим взял рисунок за сухой уголок, чтобы не размазать краску.

— А можно папу сюда, к остальным?

— Можно. Но тогда он не поместится.

София снова взялась за фломастер. Максим не нашёлся, что ответить.

На кухне Алина снимала с плиты кастрюлю. Волосы были собраны резинкой, на запястье темнела полоска от часов. Она спросила, купил ли он молоко, и только потом заметила коробку с космонавтом.

— Опять игрушки? — сказала она негромко.

— Сто сорок рублей. Для корабля.

— Я не про деньги.

Он посмотрел на неё. Алина отвернулась к раковине.

— Что случилось?

— Ничего. Просто Егор весь вечер спрашивал, во сколько ты придёшь. Я сказала, что не знаю.

— Я же пришёл.

— Да. Сегодня пришёл.

Она сказала это без злости, и оттого Максиму стало труднее возразить.

Он достал молоко, поставил на стол. Алина закрыла кран и долго вытирала руки полотенцем, хотя они уже были сухими.

— Завтра поедем в клинику, — сказал Максим. — Потом в парк. Я помню.

— В клинике запись на девять двадцать. Там кровь у детей, ты же знаешь, что Егор боится.

— Буду рядом.

— Хорошо.

В её голосе не было облегчения. Максим решил, что она просто устала. Он тоже устал и считал это достаточным объяснением почти всему.

✦ ✦ ✦

За ужином Егор рассказывал о школьном проекте: учительница обещала выставить лучшие модели на подоконник у кабинета директора. Он говорил быстро, перескакивал с ракет на планеты, а Максим пытался слушать и одновременно мысленно спорил с Сергеем о завтрашней работе. В конце концов сын замолчал.

— Ты опять не слушаешь, — сказал он.

— Слушаю. Ты про выставку.

— Я спросил, можно ли сделать люк, который открывается.

Максим положил вилку.

— Можно. Но придётся укрепить крышку. Завтра покажу.

Егор кивнул, но руку Максиму не протянул.

Когда дети ушли чистить зубы, Алина убрала со стола тарелки. Максим наконец рассказал о сообщении Серёги.

— Предлагает халтуру на завтра. Двадцать пять тысяч.

Алина остановилась с тарелкой в руках.

— За один день?

— С утра до вечера. Я отказался.

Она поставила тарелку в раковину осторожнее, чем требовалось.

— Почему?

— Потому что обещал детям.

— Макс, я не говорю, что ты неправ. Но ты сам вчера считал, сколько нам не хватает до платежа.

— Я помню, сколько не хватает.

— Тогда давай хотя бы обсудим. Не решай всё за нас двоих.

Он хотел сказать, что именно она месяцами просила его проводить больше времени дома. Вместо этого спросил:

— А чего ты хочешь?

Алина повернулась. Впервые за вечер она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы мы перестали жить от платежа до платежа. И чтобы ты не возвращался домой ночью, как квартирант. Только, похоже, вместе это не получается.

— Значит, завтра я дома.

— А в понедельник мы будем думать, где взять деньги.

— Ты предлагаешь мне поехать?

— Я предлагаю тебе не делать вид, что любой выбор бесплатный.

Она говорила ровно, но руки у неё дрожали. Максим заметил это и впервые за долгое время подумал, что жена, возможно, тоже постоянно что-то считает. Не деньги — часы, обещания, дни, когда он не приходил.

— Я сказал Егору «точно», — произнёс он.

— Тогда сдержи слово.

Она вышла из кухни, оставив его с двумя несовместимыми решениями. Он открыл переписку с Серёгой, набрал: «Может, найду кого вместо себя», — и стёр. Потом выключил экран.

✦ ✦ ✦

В десять сорок семь позвонил Сергей, его начальник с основной работы. Максим вышел на лестничную площадку, чтобы не будить детей.

— По завтрашнему акту, — начал Сергей без приветствия. — Мне сверху опять звонят. Ты уверен, что там аварийный риск?

— Уверен. Я тебе фотографии отправил.

— Мне не фотографии нужны. Мне нужно, чтобы объект сдали.

— Тогда пусть заменят кабель. Я подпишу после проверки.

— Из-за этого акта вся бригада останется без премии. Ты понимаешь?

Максим прислонился к холодной стене. Снизу хлопнула дверь, кто-то поднялся на пролёт и прошёл мимо, пахнув сигаретами.

— Бригада останется без премии из-за тех, кто положил неправильный кабель.

— Очень удобно рассуждать о правилах, когда не ты объясняешь людям, почему им не заплатят.

— И я тоже буду объяснять дома, почему мне не заплатили.

— Тогда перестань делать вид, что цена этого решения только твоя.

Максим закрыл глаза. На секунду ему захотелось согласиться, подписать, получить деньги и перестать быть человеком, из-за которого все недовольны. Он представил оплавленную изоляцию на объекте, тонкую серую полосу у распределительной коробки.

— Подписи не будет, — сказал он.

Сергей молчал несколько секунд.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Выбор у тебя есть. Исправить.

Звонок оборвался.

Максим постоял на лестнице, пока экран не погас. Потом вернулся домой. Алина сидела на диване с телефоном и быстро перевернула его экраном вниз.

— Работа? — спросила она.

— Да, — ответил Максим.

— Опять проблемы?

— Разберусь.

Он не рассказал, что премии могут лишить всю бригаду. Она не спросила. Они сидели рядом, разделённые расстоянием меньше ладони, и оба смотрели в выключенный телевизор.

✦ ✦ ✦

Ночью Максим проснулся от того, что Алина встала с кровати. Дверь в ванную не закрылась до конца, и из коридора доносился приглушённый голос.

— Я же сказала: не сейчас... — шептала она. — Нет, он ничего не знает.

Максим открыл глаза. Часы показывали два семнадцать. Он слышал только её слова; второй голос телефон не пропускал. В груди неприятно кольнуло, но он сразу нашёл объяснение: проблемы на работе, разговор с подругой, чья-то семейная беда. У каждого взрослого человека есть право на разговор, который он не хочет вести при супруге.

Алина вернулась через несколько минут.

— Всё нормально? — спросил он в темноте.

Она вздрогнула.

— Ты не спишь?

— Проснулся.

— Это Катя. У неё опять история с мужем.

— Ясно.

Он хотел спросить, почему она сказала «он ничего не знает», но вспомнил, как сам недавно скрывал от неё угрозу лишиться премии. Разве он не делал то же самое — решал, какую часть правды можно принести домой?

— Ложись, — сказал он. — Завтра рано вставать.

Она легла, не коснувшись его.

✦ ✦ ✦

Утром, в пять пятьдесят три, телефон завибрировал на тумбочке. Максим проснулся сразу: за годы ранних смен организм научился реагировать на любой сигнал. На экране было сообщение от Серёги Климова.

«Парень, которого нашёл, соскочил. Объект уже открыт. Я один там не справлюсь. Если приедешь к семи, заплачу тридцать. Если нет — скажи сейчас».

Максим сел на край кровати. В спальне было темно. Алина лежала спиной к нему, но он понял по дыханию, что она не спит.

— Опять работа? — спросила она.

— Серёга. Его напарник отказался. Предлагает тридцать.

Алина повернулась.

— Тридцать тысяч?

— Да, тридцать тысяч.

Она помолчала.

— Это почти всё, чего нам не хватает.

— Я знаю.

— Максим, решай сам.

Он посмотрел на дверь детской. За ней стоял картонный корабль с падающей опорой. Егор вчера спрашивал «точно?», и он ответил «точно». Максим мог разбудить сына и объяснить, что взрослые обещания иногда уступают взрослым счетам. Мог отказаться от денег и

провести день рядом с детьми. Оба решения были настоящими, и ни одно не делало его хорошим человеком автоматически.

— Поеду, — сказал он наконец. — Но в восемь, что бы ни случилось, буду выезжать домой.

Алина не улыбнулась.

— Ты уверен?

— Нет.

Сказав это, он написал Серёге: «Буду в семь. Только если закончим до восьми».

«Сделаем», — пришёл ответ.

Максим знал цену этому слову. И всё равно согласился.

✦ ✦ ✦

Егор проснулся, когда отец завязывал шнурки в прихожей.

— Пап?

Мальчик стоял босиком, щурясь от света. В руках он держал маленького космонавта из вчерашней коробки.

— Ты куда?

Максим не стал говорить «ненадолго». Егор уже достаточно вырос, чтобы понимать, как растягивается это слово.

— На работу. Сегодня нужно помочь человеку. И нам нужны деньги.

— Но ты обещал.

— Обещал.

— Ты сказал «даже если позвонят».

— Помню.

Егор посмотрел на космонавта, покрутил фигурку между пальцами.

— А ракета?

— Завтра сделаем. Я куплю клей, всё подготовлю.

— Завтра воскресенье.

— Да, — признал Максим.

— В воскресенье ты тоже иногда работаешь.

Максим присел, чтобы оказаться на уровне сына.

— Сегодня я нарушил слово. Ты можешь злиться.

— Я и злюсь.

— Знаю.

Егор протянул ему космонавта.

— Возьми. А то забудешь.

Максим хотел отказаться, но взял. Маленькая фигурка была тёплой от детской ладони. Он положил её в нагрудный карман куртки.

— Я не забуду.

Сын ничего не ответил и ушёл в комнату, не обернувшись.

У двери стояла Алина. На ней был домашний халат, волосы собраны в небрежный пучок.

— Напиши, когда доедешь, — сказала она.

— Напишу. И когда закончим.

— Хорошо.

Она поцеловала его в щёку. Максим заметил, что она уже держит телефон в руке.

На улице было сыро. Машина завелась со второго раза. Максим вырулил со двора и на светофоре достал космонавта из кармана, поставил на приборную панель. Фигурка упала на первом же повороте. Он поднял её только на следующем красном сигнале.

✦ ✦ ✦

В клинике Егор сидел на стуле у процедурного кабинета, не снимая куртки. София листала книжку с картинками животных. Алина держала номерок и смотрела на часы.

— Когда папа придёт? — спросила София.

— Вечером.

— Он же хотел со мной быть, когда кровь возьмут.

— Я с тобой буду.

— Я знаю. Но он тоже хотел.

Егор молчал. На коленях у него лежала коробка с ракетой: он настоял, чтобы взять её с собой. Алина не спорила. Она всё утро чувствовала, что не имеет права запрещать детям даже самые нелепые вещи.

Телефон завибрировал. На экране появилось имя, которое она сохранила без фамилии. Алина отвернула аппарат от детей.

«Он уехал?»

Она не ответила. Через минуту пришло ещё одно сообщение.

«Нам нужно поговорить. Сегодня».

Алина набрала: «Не сегодня. Дети со мной».

«Ты говорила, что сегодня он будет дома».

Её пальцы замерли над экраном. Она не знала, что написать на это: ещё вчера она сама не знала, останется ли Максим дома. Никакого хорошего ответа не существовало.

«Я всё ему расскажу», — появилось на экране.

Алина убрала телефон в сумку так резко, что София подняла голову.

— Мам, ты плачешь?

— Нет, зайка. Просто глаза устали.

— Тогда закрой их, — посоветовала София. — Я тебя подержу.

Девочка протянула ладонь. Алина взяла её и закрыла глаза. За дверью процедурного кабинета плакал чужой ребёнок. Егор прижал к груди коробку с ракетой.

Когда медсестра назвала их фамилию, он встал первым.

— Я сам, — сказал он.

И в этих двух словах Алина услышала не храбрость, а что-то более взрослое и страшное: сын уже учился не ждать того, кто обещал прийти.

✦ ✦ ✦

После процедурного кабинета Егор не плакал. Он держал ватный шарик в сгибе локтя и отказывался убрать руку, хотя медсестра уже дважды сказала, что кровь остановилась. София, напротив, плакала громко, обиженно, с таким отчаянием, будто у неё отняли не несколько капель крови, а целый мир.

Алина усадила их на скамейку возле гардероба. На полу таяли грязные следы от ботинок. Из автомата тянуло пережжённым кофе. Егор рассматривал пластырь, а София требовала обещанный сок.

— Я куплю, — сказала Алина. — Только посиди с братом.

— Папа бы купил два, — возразила София.

— Я тоже куплю два.

— Он бы разрешил мне самой нажать кнопку.

Алина достала кошелёк и вдруг поняла, что злится на Максима за то, что тот не пришёл, и одновременно защищает его перед детьми даже от таких пустяков. Она была уверена, что знает, почему он уехал: деньги. И всё же в памяти стояло его вчерашнее «точно», произнесённое перед Егором так твёрдо, словно этим словом можно было отменить банковские платежи.

— Мам, — сказал Егор, когда она вернулась с соком. — А если я сделаю корабль сам, папа расстроится?

— Почему он должен расстроиться?

— Он хотел помочь. А если я всё сделаю, ему будет нечего делать.

Алина присела рядом. Вокруг ходили люди, открывались двери, пищал номер электронной очереди. Она вдруг увидела, что сын не просто сердится. Он ищет способ оставить отцу место в своей жизни — даже после того, как тот сам не сумел это место занять.

— Оставь ему что-нибудь, — сказала она. — Например, дверь. Ты же хотел открывающийся люк.

— Я сам могу сделать дверь.

— Знаю.

Егор сдвинул брови, подумал и кивнул. Это был не мир, но хотя бы договор.

У гардероба телефон Алины снова завибрировал. Она не стала смотреть на экран при детях. Однако имя уже успело высветиться, и Егор спросил:

— Это папа?

— Нет.

— А кто?

— Знакомый.

Он больше не спрашивал. От этого стало хуже. Алина не хотела, чтобы дети привыкали к тому, что взрослые отвечают коротко, когда им есть что скрывать. Но именно этому она их сейчас и учила.

На улице она набрала Максиму. Гудки тянулись долго. Когда он наконец ответил, в трубке зашумело железо.

— Что-то случилось? — спросил он прежде, чем поздороваться.

— Нет. Анализы сдали. Егор выдержал, София плакала.

— Передай им, что они молодцы. Я вечером…

— Не обещай время, Макс.

Шум на другом конце на секунду стих.

— Я стараюсь успеть.

— Я знаю. Просто не обещай.

Она услышала, как кто-то позвал его по имени. Максим прикрыл трубку ладонью, но чужой голос всё равно пробился: «Здесь крепёж сгнил, ты видишь?»

— Мне надо идти, — сказал он. — Я позвоню.

— Хорошо.

Связь оборвалась. Алина посмотрела на экран: разговор длился сорок три секунды. Она могла бы рассказать ему всё сейчас — не содержание сообщений, а хотя бы то, что их брак дошёл до места, где любой разговор становится угрозой. Но она снова выбрала отсрочку. Сегодня ей хотелось прежде всего довезти детей домой.

✦ ✦ ✦

На складе пахло пылью и нагретой резиной. Максим держал лестницу, пока Серёга снимал крышку вентиляционного блока. Заказ казался простым: заменить двигатель, запустить систему и успеть домой до вечера. Но в коробке лежала деталь с другим креплением. На накладной значился нужный артикул — только сама деталь ему не соответствовала.

— До восьми, говоришь? — спросил Максим.

— Я думал, тут только мотор сменить.

— Ты всегда так думаешь.

Серёга промолчал. Потом подал ключ.

К одиннадцати стало ясно: поставщик перепутал двигатели. Подходящий находился на другом конце области. Управляющий складом отказался оплачивать повторный выезд и потребовал поставить то, что привезли: «Встанет как-нибудь. Мне воздух нужен, не выставка».

— Подрежем кронштейн, — предложил Серёга. — На гарантию плюнем. Никто не заметит.

Максим повернул двигатель в руках. Разница была в нескольких сантиметрах, но переделка лишала заводское крепление прочности. На этот раз речь шла не о подвиге и даже не о немедленной опасности: они могли выполнить работу кое-как, получить деньги и уйти. Через месяц сломавшаяся система стала бы чужой проблемой.

— Я не стану переделывать крепление под чужой двигатель, — сказал Максим. — Если его сорвёт, акт не поможет.

— А я чем за комнату заплачу? — спросил Серёга. — Ты хоть раз можешь подумать о человеке рядом, а не о том, что напишут в акте?

— Давай сначала позвоним поставщику. У них есть машина на маршруте.

— Уже звонил. Доставка завтра. За сегодня нам не заплатят.

Максим посмотрел на экран телефона: фотография корабля от Егора оставалась непрочитанной. Он приехал сюда ради денег и потерял обещанный сыну день. Теперь мог потерять и заработок.

— Я поеду за двигателем сам, — сказал он. — На своей машине. А с поставщика потом потребуем оплатить дорогу.

— Они не оплатят.

— Тогда попробую добиться. Ты пока снимай старый узел и готовь площадку.

Серёга усмехнулся без веселья. — Тебе всё кажется, что если достаточно упереться, кто-нибудь в конце концов поступит правильно.

— Нет. Я просто хочу закончить то, за что взялся.

— А сыну ты что обещал закончить?

Ответить было нечего. Максим спустился по лестнице, открыл навигатор и увидел два часа дороги в одну сторону. Он всё равно нажал «Поехали».

У ворот склада охранник долго сверял пропуск с номером автомобиля. Максим стоял под моросящим дождём и слушал, как капли стучат по крыше. Впервые за день он подумал не о том, что ему мешают работать, а о том, сколько раз сам выбирал работу, когда можно было остановиться.

Он написал Алине: «Перепутали оборудование. Еду за заменой. Задержусь». Слово «прости» добавил не сразу. Ответ пришёл через несколько минут: «Дети дома. Егор занимается кораблём».

Максим прочитал ответ Алины ещё раз. Ни одного упрёка. От этого стало тяжелее.

К полудню Максим уже ехал по объездной. На светофоре телефон показал фотографию корабля: Егор закрепил опору скотчем. Подпись была короткой: «Я сделал».

Максим хотел позвонить, но движение тронулось. Он положил телефон экраном вниз на соседнее сиденье.

«Молодец. Вечером посмотрю», — написал он, остановившись у склада поставщика.

Ответа не было.

Обратная дорога заняла больше времени: на трассе перевернулся грузовик, и машины ползли по одной полосе. Максим несколько раз смотрел на часы, хотя от этого пробка не двигалась быстрее.

К шести вечера двигатель наконец установили. Серёга запустил систему; вентиляционные решётки зашумели ровно. Управляющий склада подписал акт, но деньги обещал перечислить только в понедельник — после проверки бухгалтерией.

— Заплатят в понедельник, — сказал Серёга. — Если не придумают ещё что-нибудь.

— У нас подписанный акт.

— У меня за комнату завтра срок. Хозяйке акт не покажешь.

Максим снял перчатки. Весь день он уговаривал людей соблюдать договорённости. Теперь перед ним стоял человек, которому от его принципов не стало легче.

— У меня есть восемь тысяч, — сказал он. — Переведу сейчас. Вернёшь после расчёта.

Серёга посмотрел на него так, будто не понял.

— Ты ведь ради денег приехал.

— Знаю.

— И что дома скажешь?

Максим убрал телефон в карман.

— Правду. Только она опять никому не понравится.

Серёга молча помог сложить инструменты. Они не спорили. И всё же Серёга не смотрел ему в глаза.

✦ ✦ ✦

В подъезде пахло мокрой шерстью и чьим-то ужином. Максим поднялся пешком: лифт снова не работал. На третьем этаже он остановился, увидев вторую фотографию от Егора. Теперь у корабля стояли все четыре опоры, а на боку было неровно написано: «ОРБИТА».

Он увеличил снимок. Подпись сына была всего из двух слов: «Сам доделал».

Максим задержал палец над клавиатурой. Любой ответ казался оправданием.

Он набрал: «Прости, что меня не было. Завтра поговорим о корабле». На этот раз отправил, не обещая часа, которого не мог гарантировать.

Дома было тихо. София спала, обняв мягкого зайца. Егор лежал лицом к стене; рядом на тумбочке стоял картонный корабль. Максим осторожно поправил отклеившийся угол фольги. От этого движения одна из опор покосилась. Он убрал руку, испугавшись испортить то, что сын сделал без него.

Алина сидела на кухне с кружкой остывшего чая.

— Поели? — спросил Максим.

— Дети — да.

— Я хотел позвонить.

— Ты звонил. В обед.

Он сел напротив. На столе лежал чек из клиники, сложенный пополам.

— Всё нормально с анализами?

— Результаты через несколько дней. Врач сказал, ничего срочного.

— Егор как?

— Кровь сдал спокойно. Только всё спрашивал, успеешь ли ты посмотреть корабль.

Максим положил на стол телефон.

— Мне задержали оплату. Я ещё Серёге перевёл часть своих денег. Ему за жильё надо.

Алина долго смотрела на него.

— Значит, сегодня ты не заработал ничего?

— Заплатят в понедельник.

— А если не заплатят?

— Заплатят.

— Ты всегда так говоришь.

Он хотел возразить. Вместо этого подвинул к себе чек, расправил сгиб и прочитал сумму. Не такую большую, чтобы из-за неё стоило ссориться. Достаточно большую, чтобы завтра снова согласиться на работу.

— Я знал, что Егор будет ждать, — сказал он наконец. — И всё равно уехал.

Алина опустила глаза к кружке. Это признание было первым за долгое время, которое она могла бы принять. Но между ними уже накопилось слишком много несказанного.

— Может, хотя бы перестанешь решать один, — ответила она.

Максим кивнул. Он хотел спросить, что она сама скрывает от него, но вопрос прозвучал бы как обвинение. А он пришёл домой поздно, с пустыми руками и новым обещанием, которого ещё не дал вслух.

На столе загорелся экран её телефона. Алина накрыла его ладонью. Максим заметил движение. Он не увидел имени и не попросил показать сообщение.

В спальне Алина легла первой. Максим долго стоял у окна, глядя на освещённые окна соседнего дома. На одном подоконнике горела гирлянда, хотя до Нового года оставалось далеко. Кто-то заранее решил устроить праздник и, наверное, сумел прийти домой вовремя.

Он вошёл в детскую ещё раз. Егор не спал: глаза блестели в полоске света из коридора.

— Ты видел? — спросил мальчик, не поворачиваясь.

— Корабль? Видел. У тебя получилось лучше, чем я предлагал.

— Люк я не сделал. Ты говорил, покажешь.

Максим присел на край кровати. Пружина тихо скрипнула.

— Я говорил. И не приехал.

Егор подтянул одеяло к подбородку. — Мам сказала, ты зарабатываешь нам на квартиру. Если я буду меньше просить, тебе не придётся столько работать?

Максим открыл рот и ничего не сказал. Он ожидал обиды, каприза, даже крика. Но сын предлагал отказаться от желаний, будто в их семье это была обязанность самого младшего.

— Нет, — ответил он. — Ты не должен ничего убирать из своей жизни, чтобы мне было удобнее. Я взрослый. Это я должен разобраться.

— А ты разберёшься?

Вопрос был задан без вызова. Егор просто хотел знать.

— Не знаю, — сказал Максим. — Но завтра утром мы хотя бы поговорим. И ты покажешь, как придумал опоры.

— Только не буди меня рано. Я устал ждать.

Максим кивнул и вышел, прикрыв дверь до щели. На кухне горел экран телефона Алины. Она убрала его, едва он появился. Максим заметил это, но не стал спрашивать: он боялся услышать ответ, после которого пришлось бы что-то менять немедленно.

Они легли рядом, не поссорившись. Утром каждый сможет назвать это спокойным вечером. Ни один не назовёт его хорошим.

Глава 3. Чужая кровь

Одиннадцать дней после той субботы Максим прожил так, будто ничего не случилось.

Это было неправдой. Случилось слишком многое, просто ничего из этого нельзя было назвать событием. Егор перестал просить его помочь с кораблём. Алина перестала спрашивать, во сколько он вернётся. София по-прежнему встречала его у двери, но теперь иногда сначала заглядывала за спину, словно ожидала увидеть кого-то ещё.

На одиннадцатый день Максим обнаружил в кармане рабочей куртки маленькую пластиковую фигурку космонавта. Она осталась там с той пятницы, когда он покупал молоко и макароны. У фигурки была трещина на шлеме: вероятно, он придавил её связкой ключей. Максим поставил космонавта на приборную панель служебного фургона и почти сразу убрал в бардачок. Почему-то стало стыдно, хотя никто этого не видел.

Вечером он вернулся раньше обычного. На лестничной площадке соседка возилась с коляской, пытаясь поднять её на две ступени. Максим подхватил передние колёса.

— Спасибо, — сказала она. — Вечно этот лифт. Ваши-то дома?

— Наверное.

— Егор сегодня такой серьёзный шёл. Спросила, как дела, а он сказал: «Нормально». Как взрослый.

Максим помог поднять коляску и ещё минуту стоял перед дверью квартиры. Соседка не сказала ничего особенного. Но слово «взрослый» прозвучало как обвинение.

Дома пахло разогретой гречкой. На кухонном столе лежали школьные тетради Егора, рядом — листок с рисунком корабля, у которого не хватало одного крыла. София спала. Алина сидела у окна, подсвеченная экраном телефона. Увидев мужа, перевернула аппарат лицом вниз.

— Рано сегодня.

— Отпустили. Где Егор?

— У себя. Завтра контрольная.

— По чему?

— По математике, Максим.

Она сказала это не сердито. Скорее удивлённо, как говорят человеку, который спрашивает дату собственного рождения.

Максим снял куртку, вымыл руки и постучал в детскую. Егор сидел за столом и выводил карандашом столбик чисел.

— Можно?

— Ты уже вошёл.

— Справедливо.

Максим присел на край кровати. На шкафу стоял картонный корабль. Крыло всё ещё держалось на синем скотче, иллюминаторы были вырезаны неровно, зато нос Егор аккуратно покрасил серебристой краской.

— Классно получилось.

— Не доделал.

— Вижу. Может, в воскресенье…

— Пап, не надо.

Карандаш замер над тетрадью.

— Чего не надо?

— Говорить про воскресенье. Если сможешь — тогда скажешь.

Максим хотел возразить, что взрослые не всегда могут выбирать, но мальчик снова склонился над задачей. Спорить пришлось бы не с обидой, а с выводом, который ребёнок уже сделал.

— Ладно, — сказал Максим. — Покажешь, что решаешь?

Егор подвинул тетрадь. Они разобрали две задачи. На третьей Максим ошибся в вычислении и сын молча зачеркнул его ответ. Это неожиданно рассмешило обоих. Смех длился недолго, но после него Максим смог дотронуться до плеча мальчика, не чувствуя, что просит прощения прикосновением.

Когда он вышел, Алина уже убирала со стола.

— Он молодец, — сказал Максим.

— Я знаю.

— Не обязательно так отвечать.

— А как? Ты заметил, что он молодец. Я должна обрадоваться?

Максим открыл рот и закрыл. Спор возникал из ничего, но оба уже знали дорогу к нему.

— Я не за этим пришёл, — сказал он.

— Ты пришёл домой. Этого достаточно.

Он услышал усталость в её голосе. Когда-то он умел отличать усталость от равнодушия. Теперь не был уверен.

В спальне его телефон показал три процента заряда. Кабель остался на работе; второй, с надломленной изоляцией, давно выбросили. Максим заглянул на кухню.

— У тебя зарядка где?

— В сумке, наверное. Посмотри в боковом кармане.

Сумка стояла на стуле у прихожей. Максим расстегнул молнию, нашёл косметичку, связку ключей, упаковку влажных салфеток. Зарядки не было. Зато под прозрачным файлом, застрявшим между подкладкой и кошельком, белели листы с печатями лаборатории.

Он вытащил файл, чтобы проверить, не лежит ли кабель под ним.

Первый лист был обычным анализом крови Егора. Максим увидел фамилию, дату рождения, несколько столбцов с цифрами. Второй принадлежал Софии. Дети недавно проходили обследование в клинике — Алина упоминала об этом вскользь. Максим тогда спросил, дорого ли обошлось, и получил короткий ответ: «По полису».

Он уже собирался убрать бумаги, когда взгляд зацепился за отдельную строку.

«Группа крови: B (III)».

У Егора.

Следующий бланк: «AB (IV)».

У Софии.

Максим перечитал строки. Ему не нравилось, когда медицинские документы становились загадкой. Сначала он решил, что перепутал обозначения. Затем вспомнил свою группу: O (I), резус положительный. У Алины, насколько он помнил по карте беременности, A (II). Она шутила, что они с ним даже в этом «не совпадают».

Он положил оба листа на стол и открыл поиск в телефоне. Страница загрузилась со второй попытки. Батарея мигнула красным.

Обычная схема наследования группы крови по системе ABO была достаточно простой. Если у одного родителя первая группа, а у другого вторая, у ребёнка обычно возможны первая или вторая. Третья и четвёртая в такую схему не укладывались.

Максим прочитал объяснение ещё раз. Потом нашёл статью медицинской лаборатории. Потом — обсуждение, где люди с уверенностью доказывали друг другу противоположное. Среди комментариев встречались слова «редкий фенотип», «ошибка типирования», «трансплантация», «лабораторный сбой». Он не понимал половины терминов, но понял главное: два бланка не давали права вынести приговор. Они давали повод проверять.

Телефон выключился.

В прихожей щёлкнул выключатель.

— Нашёл? — спросила Алина.

Максим поспешно собрал листы. Бумага зашуршала слишком громко. Он боялся спросить — и ещё больше боялся услышать ответ.

— Нет. Наверное, у тебя в машине.

— Ты же на машине, Макс.

— Тогда завтра посмотрю.

Она прошла мимо него к ванной. Максим стоял с файлом в руках и смотрел на закрытую дверь. Потом аккуратно вернул бумаги в сумку, точно в том порядке, в каком они лежали.

Ночью Максим почти не спал. Он снова открывал результаты анализов и искал ошибку: перепутанные пробирки, чужой бланк, неверно запомненная группа крови Алины. Под утро дошёл до редких генетических особенностей. Каждое объяснение казалось возможным, пока он не пытался приложить его к документам.

Под утро он вспомнил, как держал новорождённого Егора. Мальчик тогда был красным, сморщенным, с крошечной царапиной у виска. Максим боялся даже поправить одеяло. Алина смеялась над его осторожностью. Воспоминание оказалось настолько живым, что он разозлился на себя: какие ещё доказательства ему нужны, если он помнит первый крик сына?

Но память о рождении не отвечала на вопрос о крови. И кровь, если подумать, не отвечала на вопрос о том, кто растил ребёнка.

Утром он записал свои и Алинины группы на обороте старого чека, затем разорвал бумагу и выбросил. На работе дважды перепроверил ведомость материалов, ошибся в простом расчёте и выслушал от Сергея замечание, на которое обычно ответил бы спором.

— Орлов, ты со мной?

— Со мной.

— Тогда объясни, почему в накладной семьдесят метров кабеля, а на объект ушло девяносто.

Максим посмотрел на лист. Разница была очевидна.

— Я перепутал графы. Исправлю.

Сергей снял очки.

— Ты болеешь?

— Нет.

— Тогда выспись. Мне нужен ты, а не человек, который смотрит сквозь цифры.

Максим впервые за долгое время не стал напоминать, сколько часов работал. Он просто забрал накладную и исправил ошибку.

После обеда он позвонил в лабораторию. Девушка на линии объяснила, что результаты выдаются по данным пациента, а вопросы биологического родства по группе крови не решаются. При сомнениях в правильности анализа можно обратиться за повторным исследованием. Для установления родства существует генетическая экспертиза с определёнными правилами забора образцов и согласия.

— А если группа крови вообще невозможна? — спросил Максим.

— Я не могу оценивать конкретные результаты по телефону. Обратитесь к врачу, пожалуйста.

Он поблагодарил её. На секунду ему захотелось потребовать, чтобы девушка сказала что-нибудь окончательное. Вместо этого он записал адрес клиники.

Вечером он дождался, пока дети уснут, и поставил перед Алиной пустую кружку. Так они обычно начинали разговор о деньгах: чайник, счета, две чашки и попытка не повышать голос.

— Ты помнишь, какая у тебя группа крови? — спросил он.

— Вторая. Кажется. А что?

— В детских анализах указаны третья и четвёртая.

Она посмотрела на него, не сразу поняв, почему он говорит об этом таким тоном.

— И что теперь? У них что-то нашли?

— Нет. Я пытался разобраться в наследовании. Но мог перепутать твою группу, а лаборатория — ошибиться. Нужна карта беременности или старый анализ.

— Ты полез в мою сумку?

— Искал зарядку. Бумаги лежали в файле.

Алина отодвинула кружку. Её пальцы оставили на стекле стола влажный след.

— Ты проверяешь, твои ли это дети?

Максим долго смотрел на неё. В соседней комнате София что-то сказала во сне, и он невольно прислушался.

— Я пытаюсь понять, что написано в анализах. И почему я узнаю об этом случайно.

— Не делай из меня дуру, Макс.

— Тогда помоги разобраться. У тебя сохранился документ с группой крови?

— У мамы могла остаться папка. Я посмотрю.

Он услышал не отказ, но и не обещание. Прежде он счёл бы такую неопределённость мелочью. Теперь хотел записать её слово в слово, будто позднее оно могло стать уликой.

— Давай завтра, — сказала Алина. — Я устала.

— Хорошо.

Максим произнёс это слишком быстро. Ему хотелось закончить разговор, пока он ещё способен произнести «хорошо» без ненависти.

За ужином на следующий день Егор рассказывал о контрольной. Максим поймал себя на том, что рассматривает форму его ушей, будто искал знакомый чертёж. Ему стало стыдно. Он заставил себя слушать задачу, которую сын решил неправильно, и помог найти ошибку.

Ночью Максим перебрал семейную папку. Его донорская карточка подтверждала первую положительную группу. Документа Алины там не было. Среди справок нашёлся снимок из роддома: Егор в одеяле, сам Максим в одноразовом халате, улыбающийся так широко, что лицо казалось чужим. Он не стал искать сходства. На фотографии было другое доказательство — того, что он был рядом.

Утром Алина сообщила, что не нашла свою старую карту. Максим предложил вместе запросить сведения в клинике. Она ответила: «Потом». Он записался к врачу один — не для установления отцовства, а чтобы узнать, какие выводы вообще допустимы из увиденных цифр.

На консультацию Максим пришёл один. Он заранее записал вопросы в заметках, но, оказавшись перед врачом, неожиданно спросил совсем другое:

— Скажите, если человек ошибся, когда запоминал группу крови жены, он может потом всю жизнь считать, что знает её?

Врач, женщина лет пятидесяти с усталым внимательным лицом, не стала улыбаться.

— Группу крови — вполне. Люди путают резус, старые записи, даже собственные анализы. Покажите, что у вас есть.

Максим разложил на столе копии двух детских бланков и свою донорскую карточку. Оригиналы он не взял: мысль ещё раз тайком рыться в Алиной сумке казалась невыносимой, хотя однажды он уже это сделал.

Врач посмотрела на документы и попросила уточнить группу матери. Он признался, что помнит её только по разговору во время первой беременности.

— Значит, сейчас у нас нет исходных данных, — сказала она. — И даже когда они будут, выводы о родстве не следует делать по такой таблице из интернета. Есть редкие варианты, есть ошибки определения, есть обстоятельства, которые мы с вами не знаем. Для медицинского вопроса — повторное типирование по показаниям. Для вопроса об отцовстве — отдельное генетическое исследование, с корректным забором и оформлением. Это разные задачи.

— А если я не хочу, чтобы дети узнали?

— Тогда начните с разговора со взрослым человеком. Я не могу дать вам способ обойти этот разговор.

Его задело не содержание ответа, а то, как спокойно она его произнесла. Максим привык к задачам, которые можно решить руками: снять кожух, найти обрыв, заменить узел. Здесь он просил инструкцию, как не причинить боль, и такой инструкции не существовало.

В регистратуре он взял памятку о генетическом исследовании родства, сложил вчетверо и убрал в карман. Сдать такой анализ тайком значило бы переступить черту, которую он ещё вчера считал немыслимой. Он не записался. От этого решения не стало легче: оно лишь оставило его наедине с вопросом.

На выходе он увидел в коридоре мальчика с пластырем на локте. Тот держал мать за рукав и спрашивал, дадут ли ему мороженое за храбрость. Максим подумал о Егоре: сын уже не просил наград за уколы. Он просто терпел, как взрослый. И снова возникло неприятное чувство, будто в доме что-то менялось, пока Максим ездил по объектам, а он замечал перемены только по следам.

В тот вечер он забрал Егора с дополнительных занятий. Обычно это делала Алина. Сын вышел последним, с рюкзаком, висевшим на одном плече, и сначала не поверил, что отец приехал именно за ним.

— Мама заболела?

— Нет. Я смог пораньше.

— А, — сказал Егор. — Круто.

Они пошли пешком через сквер. На мокрых дорожках лежали листья, фонари ещё не включили. Егор рассказывал, как одноклассник пытался запустить бумажную ракету с помощью двух резинок, но та попала в учительский стол. Максим смеялся, задавал вопросы и почти успел забыть, зачем пришёл. Потом сын спросил:

— Пап, вы с мамой разводитесь?

Максим остановился так резко, что Егор прошёл ещё два шага.

— С чего ты взял?

— Вы думаете, я маленький? Вы теперь, когда разговариваете, перестаёте, если я захожу.

Максим хотел сказать, что всё хорошо. Эта фраза уже поднималась к горлу — привычная, удобная, безответственная.

— Мы с мамой кое о чём спорим, — произнёс он вместо этого. — Это взрослый спор. Тебе не нужно его решать.

— Но вы разведётесь?

— Я не знаю, что будет, Егор. Я знаю, что мы оба тебя любим.

Мальчик посмотрел в сторону детской площадки. Там кто-то раскачивал пустые качели, и цепи тихо звенели.

— Когда взрослые говорят «оба любим», это обычно перед чем-то плохим, — сказал он.

Максим не нашёл ответа. Он взял сына за руку, но Егор вытащил ладонь — не зло, а просто потому, что был уже слишком большим для этого на людях. Максим принял отказ и пошёл рядом.

Дома София встретила их в коридоре в одном носке. Она потребовала немедленно показать рисунок, который сделала в детском саду: четыре человечка стояли под огромным жёлтым солнцем. У одного, самого высокого, руки были похожи на две длинные лестницы.

— Это ты, — объяснила она Максиму. — Ты достаёшь до всего.

— Не до всего, — сказал он и тут же пожалел, что ответил так взрослому человеку, а не дочери.

София нахмурилась, забрала рисунок и понесла его Алине. Максим остался в прихожей с чужим рюкзаком в руках, слушая, как дети наперебой рассказывают матери о дне. Он не

понимал, почему одна строчка на лабораторном бланке получила право угрожать всему, что сейчас звучало из кухни.

Позже, когда дети легли, он поставил перед Алиной чашку чая. Она посмотрела на неё настороженно, как на начало неприятной процедуры.

— Я был у врача, — сказал Максим.

— Я догадалась. Ты сегодня не отвечал на сообщения.

— Врач ничего не подтвердил. Сказал, что нужны точные документы, а не моя память. Я хочу узнать твою группу крови. Можно посмотреть карту? Вместе.

Алина долго мешала чай, хотя сахар не положила.

— Ты действительно думаешь, что я могла тебе соврать про детей?

— Я не знаю, о чём ты мне врала, — сказал он. — И это сейчас страшнее любых анализов.

Она поставила ложку. Рука дрожала; Максим заметил это и почувствовал укол надежды: значит, разговор ей не безразличен. Но дрожь ничего не доказывала. Человек может дрожать от страха, ярости, усталости, от того, что его подозревают несправедливо.

— Ты уже вынес приговор, — сказала Алина.

— Я спрашиваю. Это не одно и то же.

— Нет. Сейчас ты ждёшь, когда я скажу что-нибудь, что можно будет использовать против меня.

— Мне не нужен ответ, который удобно записать. Мне нужно понять, что происходит между нами.

Она подняла глаза. На мгновение Максим увидел прежнюю Алину — ту, что когда-то смеялась над его попытками собрать детскую кроватку без инструкции. Но выражение исчезло.

— Не сегодня, — ответила она и отвела взгляд.

— А когда?

— Если начну, мы уже не сможем вернуться к прежнему.

Он хотел потребовать объяснения. Впервые за много дней у него было право повысить голос, и он это чувствовал почти физически. Но за стеной кашлянула София, и оба замолчали. Максим понял, что ребёнок стал для них не только причиной держаться вместе, но и удобным предлогом никогда не заканчивать разговор.

Он ушёл на балкон. Внизу разгружали продуктовую машину; водитель ругался с охранником из-за неправильно припаркованной легковушки. Обычная жизнь продолжалась с такой уверенностью, будто никто никогда не узнавал о себе ничего страшного.

Максим открыл переписку с Алиной за прошлый год. Сначала там были фотографии детей, вопросы о лекарствах и счетах, короткие сообщения о покупках. Потом он нашёл старое голосовое, где она смеялась: «Ты только не забудь, что сегодня наш день». Он не помнил, какой именно день она имела в виду. Сообщение осталось без ответа до следующего утра. Он пролистал дальше и увидел, как редко они стали писать друг другу что-либо, кроме просьб.

Ему захотелось назначить точную дату, после которой всё испортилось. Такой даты не было. Было много маленьких вечеров, в которые он возвращался слишком поздно, и много вопросов, на которые Алина отвечала слишком коротко. Ни один из них не оправдывал обмана. Ни один не объяснял, есть ли обман вообще.

Он вернулся в комнату, когда жена уже спала или делала вид. На столе остался недопитый чай. Максим вылил его в раковину и поставил чашку сушиться. Ему вдруг показалось, что это единственное действие за день, результат которого он понимает.

Следующие дни не принесли ни документов, ни объяснений. Алина всё чаще уносила телефон даже в ванную. Максим замечал это и ненавидел себя за наблюдательность. Егор больше не спрашивал, что происходит: за ужином он говорил о школе только с матерью. София однажды принесла отцу рисунок и, не дождавшись ответа, молча положила его рядом с тарелкой.

Максим сохранил рисунок в ящике рабочего стола. Там же лежал космонавт с треснувшим шлемом.

В четверг вечером позвонила тёща. Спросила, сможет ли Максим в пятницу отвезти детей к ней после занятий: Алина предупредила, что задержится. Максим согласился. Ему не понравилось, что о семейных планах он узнаёт от третьего человека, но спорить с тёщей было бессмысленно.

Он набрал Алину и спросил, почему она не сказала ему о пятнице сама.

— Потому что ты обычно до вечера на работе, — ответила она.

— Сегодня я свободен.

— Сегодня. А завтра?

Он хотел перечислить часы, когда действительно был дома, но понял, что она знает их лучше него. Вместо этого уточнил, во сколько нужно забрать детей. Алина назвала время и поблагодарила таким вежливым голосом, каким благодарят курьера.

В пятницу, подумал Максим, он отвезёт детей к бабушке, а потом попробует поужинать с Алиной вдвоём. Без медицинских бланков на столе и без подсчёта взаимных обид. Он решил купить цветы — не как плату за прощение, а как приглашение начать разговор, который они оба откладывали.

В ночь на пятницу Максим проснулся от света в коридоре. Алина разговаривала по телефону почти неслышно. Он разобрал только: «Сейчас не могу» — и собственное имя. Когда она вернулась, он притворился спящим. Утром она сказала, что сама отвезёт детей к матери: ему не придётся отпрашиваться с работы. Максим хотел спросить, что изменилось за ночь, но вместо этого кивнул. На работе он решил, что вечером всё-таки придёт домой раньше.

Глава 4. Цветы и холодный ужин

В пятницу Максима отпустили с работы в семнадцать сорок три. Он запомнил время потому, что посмотрел на часы дважды: сначала не поверил, потом испугался, что начальник передумает.

— Орлов, домой иди, — сказал тот, протирая запотевшие очки. — С охлаждением завтра разберёмся. Ты за троих уже отработал.

Максим хотел возразить, что на третьем этаже остался незакрытый акт. Это был привычный рефлекс: найти причину остаться там, где от него хотя бы понятно чего ждут. Вместо этого он убрал инструмент в ящик.

На улице моросил октябрьский дождь. По мокрому асфальту тянулись красные отражения стоп-сигналов, люди спешили к метро, пряча лица в воротники. Максим стоял под козырьком торгового центра и не знал, что делать со свободными часами.

Дома его ждали не дети. Егор с Софией ночевали у бабушки — Алина договорилась ещё вчера. И не разговор об анализах: этот разговор они уже довели до того состояния, когда каждое новое слово звучало как обвинение. Максим мог бы позвонить, предупредить, спросить, не нужно ли чего-нибудь купить. Но ему захотелось войти в квартиру не с вопросом, а с чем-то хорошим.

Он вспомнил белые пионы. Алина когда-то сказала, что они похожи на маленькие облака, которые кто-то по ошибке поставил в вазу. Это было давно, в другой квартире, когда они спорили не о деньгах и не о том, кто что скрывает, а о том, можно ли назвать цветок облаком.

В цветочном магазине пионов осталось пять. Продавщица с уставшими глазами завернула их в плотную бумагу.

— Повод? — спросила она.

— Хочу попробовать помириться.

Она молча кивнула и добавила к букету тонкую ленту без доплаты.

Перед тем как зайти за ужином, он остановился у витрины детского магазина. На нижней полке стоял набор маленьких пластиковых петель — детали для самодельных моделей. На упаковке мальчик в защитных очках запускал ракету с нарисованной Луны. Максим долго рассматривал петли, хотя понимал, что для картонного корабля они слишком тяжёлые.

Он всё-таки вошёл и попросил показать самый простой набор для поделок. Продавец высыпал на прилавок пакетик с креплениями, липучками и маленькими магнитами.

— Это ребёнку? — спросил он.

— Сыну. Мы делаем корабль.

— Тогда магнит лучше не берите, если дома малыши. Мелкие детали.

Максим вспомнил Софию, которая непременно потянется проверить, что у Егора появилось нового. Он выбрал широкую текстильную липучку и безопасные пластиковые петли. Пакет получился смешным: пять пионов, ужин на двоих и крепления для картонного люка.

У кассы он проверил остаток на карте. После субботней подработки денег хватало, но автоматический подсчёт начался сам собой: квартплата, продукты, новая обувь Егору. Он уже хотел отказаться от петель. Потом вспомнил, как сын спросил, нужно ли ему меньше просить, чтобы отец реже работал.

— Всё берёте? — спросил продавец.

— Всё.

Выйдя, Максим почувствовал не радость, а неловкость. Он умел измерять заботу купленными вещами, потому что вещь можно было вручить и увидеть результат. С разговором всё было сложнее. Ни одна покупка не объясняла ребёнку, почему взрослый снова выбрал работу.

Он достал телефон и открыл переписку с Алиной. Над строкой ввода висело её вчерашнее «Мама заберёт обоих после сада». Ни сердечка, ни привычного «не забудь хлеб». Раньше он не заметил бы, когда эти мелочи исчезли. Теперь листал сообщения назад и видел, как разговор двух людей постепенно превратился в журнал бытовых поручений.

Он набрал: «Давай сегодня без ссор. Я хочу поговорить». Прочёл. Стер. Написал: «Я купил твои любимые цветы». И это стёр тоже. Слова казались просьбой заранее пообещать ему хороший вечер, а он не хотел больше требовать обещаний.

Максим спрятал телефон и пошёл за ужином.

В небольшом кафе он выбрал два набора роллов и суп, который Алина любила есть горячим. Продавец предупредил, что суп лучше не переворачивать. Максим кивнул, хотя уже держал пакет так осторожно, будто нёс не еду, а возможность договориться. На чеке стояло время — восемнадцать тридцать семь. Он сложил чек в карман вместе с магазинной сдачей и подумал, что до дома осталось меньше часа.

В метро он ехал стоя, держа цветы высоко, чтобы не помять лепестки. Напротив сидела женщина с мальчиком лет семи. Мальчик показывал ей рисунок машины, женщина отвечала односложно, не отрываясь от телефона. Максим поймал себя на желании сказать ей: посмотрите. Потом отвернулся. Он и сам не всегда смотрел.

На пересадке позвонил Егор.

— Пап, бабушка говорит, у тебя сегодня выходной вечером.

— Не выходной. Просто освободился пораньше.

— А ты корабль видел? Ну, где люк оставили.

— Видел. Завтра посмотрим вместе, ладно?

— Ты точно сможешь?

Максим остановился посреди потока. Люди обходили его, задевали плечами.

— Я постараюсь. И если не смогу, скажу заранее. Не буду обещать просто так.

На том конце возникла пауза. Затем мальчик спросил:

— А люк можно сделать таким, чтобы он открывался в обе стороны?

— Можно придумать. Ты пока не приклеивай его намертво.

— Хорошо. Пока, пап.

Максим ещё несколько секунд держал телефон у уха после коротких гудков. Он думал о том, что иногда исправление начинается не с большого поступка, а с отказа соврать ребёнку из лучших побуждений.

В подъезде пахло мокрой штукатуркой. Лифт не работал уже третью неделю. Поднимаясь пешком, Максим мысленно составлял жалобу в управляющую компанию: номер заявки, даты, фамилия диспетчера. На восьмом этаже пришло сообщение от Серёги — фотография лопнувшего шланга и три вопросительных знака.

«Завтра», — ответил Максим.

И впервые за долгое время не почувствовал себя виноватым.

У двери Максим поправил ленту на букете. Ключ повернулся легко. Из квартиры тянуло тёплым воздухом и чужим терпким одеколоном. В прихожей горел верхний свет — Алина обычно оставляла только лампу над кухонной столешницей.

Рядом с её сапогами стояли мужские ботинки. Чёрная кожа, чистые носы, шнурки аккуратно убраны внутрь. Не его размер.

Максим задержал взгляд на ботинках, но смысл увиденного ещё не дошёл до него. Может быть, мастер. Может быть, родственник, о котором он забыл. Он даже посмотрел на потолок: не потекла ли снова труба.

На кухонном столе стояли две чашки. На блюдце прилипла половина печенья. Возле раковины лежала ложка, испачканная в варенье. Максим почему-то вспомнил, как Алина раздражалась, когда он оставлял крошки. Человек в его доме успел выпить кофе. И не торопился.

На холодильнике магнитом была прикреплена фотография детского рисунка: дом, дерево, четыре фигурки с палочками вместо рук. Егор нарисовал её в начале осени и подписал всех по именам. Возле имени «папа» буква «п» была выведена дважды — мальчик исправлял ошибку, не желая начинать заново.

Из спальни донёсся смех Алины — короткий, приглушённый. Максим остановился. Он помнил этот смех по первым годам их брака, когда она ещё могла рассмеяться среди ночи, не опасаясь разбудить детей. Теперь услышал его из-за закрытой почти до конца двери. И не для себя.

Он мог развернуться, выйти, позвонить с лестницы и дать ей возможность придумать объяснение. Эта мысль возникла настолько отчётливо, что Максим даже представил себя снова на восьмом этаже, с цветами в руках, у закрытой двери. Но тогда всё, что он услышал, осталось бы внутри него без названия.

Он двинулся дальше.

Из спальни донёсся мужской смех.

Потом Алина произнесла что-то тихое, и мужской голос ответил ей. Не деловой разговор, не визит мастера. Максим не различил слов. Ему хватило того, как спокойно они звучали.

Он поставил пакет с ужином на тумбу. Бумага вокруг пионов зашуршала, и он инстинктивно прижал её ладонью, чтобы не выдать своего присутствия. От этой бессмысленной осторожности ему стало холодно.

Он прошёл по коридору. На стене висела фотография с моря: Егор щурится на солнце, София сидит у Алины на руках, Максим держит телефон на вытянутой руке. Все четверо помещались в кадре с трудом. Он задержался перед снимком на мгновение, не понимая, почему именно сейчас вспомнил, как долго тогда выбирали удачный дубль.

Дверь спальни была приоткрыта.

Максим толкнул её пальцами.

Алина рывком села на кровати, натягивая простыню до ключиц. Её волосы спутались, на шее краснело пятно. Мужчина возле окна обернулся, держа в руке рубашку. На кресле лежал его ремень; рядом валялась одежда Алины. Телефон светился на полу. Максим узнал собственную спальню по трещине на потолке и на мгновение не узнал больше ничего.

Максим услышал, как в коридоре тихо шуршит упаковка пионов: букет выскользнул из его ослабевших пальцев. Никто не закричал. Тишина оставляла место для самого страшного — для мысли, что всё это происходило здесь и раньше.

— Макс? — произнесла Алина.

Он смотрел на её лицо и пытался найти хоть что-то знакомое. Алина сжимала простыню так сильно, что побелели пальцы. Максим заметил эту мелочь с пугающей отчётливостью. Всё остальное — кровать, чужие вещи, открытый шкаф — будто отодвинулось за толстое стекло.

— Дети где?

— У мамы. Ты же знаешь. Максим, послушай…

— Она забрала их из сада? Они уже дома у неё?

— Да. Я говорила с ней полчаса назад. Оба дома.

Он кивнул. Дети были у бабушки. Значит, не видели эту комнату. Облегчение оказалось таким сильным, что его едва не вывернуло. Даже сейчас он сначала думал о том, как защитить их от того, что уже произошло.

Мужчина потянулся за рубашкой. Он был моложе Максима, с короткой стрижкой и плотными плечами. Двигался уверенно, но пальцы дрожали, когда он застёгивал первую пуговицу.

— Я сейчас уйду, — сказал он.

Максим узнал голос. Не сразу — через шум крови в ушах. Несколько ночей назад он слышал похожий тембр в телефонной трубке, когда Алина быстро закрыла дверь кухни. Тогда ему показалось, что он всё придумал.

— Как тебя зовут?

— Это ничего не изменит, — вмешалась Алина.

— Я спросил его.

Мужчина выдохнул.

— Денис.

Денис. Обычное имя. Оно не объясняло, почему Максим месяцами возвращался в эту квартиру после полуночи и благодарил жену за то, что она его ждёт. Не объясняло, почему её прикосновения становились всё короче. Но теперь у этих мелочей появился другой смысл.

— Как давно это продолжается? — спросил Максим жену.

Она сжала край простыни.

— Не здесь. Пожалуйста. Давай поговорим, когда он уйдёт.

— Я хочу знать сейчас.

— Максим…

— Скажи хотя бы правду.

— Несколько месяцев, — ответила Алина, глядя в пол.

— Я считал дни до зарплаты, — сказал Максим. — Часы до конца смены. Думал, ещё немного — и мы выберемся. А ты в это время считала, когда я уйду?

— Я просила тебя не брать третью работу.

— А когда не хватало на лекарства Софии, ты просила найти деньги.

— Я просила быть рядом, — сказала она.

Максим опустил взгляд. В её словах было то, от чего нельзя было отмахнуться: он действительно часто отсутствовал. Но правда о его усталости не отменяла того, что произошло в их постели. И Алина это знала.

— Ты могла сказать, что больше не любишь меня.

— Я не знала, что чувствую.

— А ему сказала?

Алина посмотрела на Дениса. Этого движения оказалось достаточно: не признание, не объяснение, просто взгляд, в котором Максим увидел уже существующий между ними разговор.

— Я не хочу обсуждать его при тебе, — произнесла она.

— Но ты привела его сюда. В нашу комнату.

— Дети у мамы.

— Я не о том, что они могли увидеть. Я о том, что это их дом.

Денис отвёл глаза. Алина провела ладонью по лицу, словно пыталась стереть усталость.

— Ты всё превращаешь в обвинение, — сказала она.

— Нет. Я пытаюсь понять, в какой момент мы перестали говорить друг с другом, а начали скрывать.

— Это случилось не сегодня.

— Знаю.

Он действительно знал. Не дату, не причину и не степень собственной вины. Он знал только, что между их последним честным разговором и этим вечером лежало слишком много дней, в которые оба выбирали молчание.

— А когда ты смотрела Егору в глаза за завтраком, ты уже знала, что вечером он будет у бабушки?

Алина дёрнулась, будто он повысил голос. Но Максим говорил почти шёпотом.

— Пусть он уйдёт, — сказал Максим. — Тогда поговорим.

Но Денис не двинулся. И Максим впервые понял, что не может заставить чужого человека покинуть его жизнь одной только вежливой просьбой.

«Несколько месяцев». В этих словах уместились дни рождения, утренники, её сообщения «купи хлеб» и его «задержусь». Он не знал, где заканчивалась их общая жизнь и начиналась чужая. От этой мысли в груди стало тесно.

— Ты не ждала меня сегодня так рано?

— Нет.

Он оглянулся на дверь. В прихожей лежали белые пионы. Один стебель переломился, и мокрая лента прилипла к коврику. Максим купил их, чтобы начать разговор. Теперь не мог придумать ни одного слова, ради которого стоило бы поднять букет.

— Значит, если бы я предупредил, ты успела бы всё убрать.

Алина закрыла лицо ладонью.

— Я хотела поговорить с тобой сама. Не сегодня, но хотела.

— Когда? После ещё одного месяца?

Она молчала. Максим услышал, как на кухне щёлкнул холодильник, включившись в обычный рабочий цикл. Квартира продолжала жить по расписанию.

— Про анализы, — сказал он. — Ты знала, что я их найду?

— Не надо сейчас детей сюда вмешивать.

— Я их не вмешиваю. Они уже здесь. Во всём, что ты мне говорила. Во всём, чего не говорила.

— Ты растил их с рождения. Не смей превращать это в допрос о детях.

— Я не перестал быть их отцом. Но я имею право спросить, что ты скрываешь от меня.

Алина подняла на него глаза. В них мелькнуло что-то, похожее на гнев.

— Ты уже всё решил за меня. Сначала врач, потом эти вопросы, потом ты смотришь на меня как на преступницу. А я… я больше не могла так жить.

— Так — это как?

— Когда ты всё время где-то работаешь. Когда ты приходишь и спрашиваешь, оплатили ли квитанции. Когда у тебя на всё есть решение, кроме нас.

Её слова попадали в старые, знакомые раны. Он пропускал семейные вечера, забывал обещания, иногда разговаривал с детьми как с очередной задачей. Максим знал это лучше неё. Но, глядя на чужую рубашку, он впервые почувствовал, как его собственную вину используют вместо ответа.

— Это не оправдание, — произнесла Алина тише. — Я понимаю.

— А я ещё ничего не сказал о том, что было со мной.

Денис надел рубашку и поднял с кресла куртку.

— Слушайте, я уйду. Вам надо разобраться самим.

Максим повернулся к нему.

— Да. Уходи.

— Только не дави на неё. Она и так…

— Не заканчивай.

Денис остановился. На его лице появилось выражение человека, которому не нравится, когда с ним разговаривают приказным тоном.

— Не надо устраивать сцену, — сказал Денис. — Я ухожу.

Максим отступил в сторону, освобождая проход к двери.

— Проход свободен.

Максим слышал свой голос со стороны — ровный, почти служебный. Так он разговаривал с заказчиками, когда нужно было остановить ссору. Алина сидела на кровати, не поднимая глаз. На её тумбочке стояла его кружка с отколотой ручкой. Денис, застёгивая манжету, задел её локтем, и кружка глухо стукнула о дерево. От этого звука Максиму захотелось ударить его сильнее, чем от всего сказанного.

Денис двинулся к выходу, но Алина схватила его за запястье.

— Подожди.

Одно слово. Алина удерживала Дениса за запястье — не мужа, который стоял в двух шагах и едва мог дышать. Максим почувствовал, как что-то внутри него окончательно отступило. Он больше не ждал объяснения, которое всё исправит.

— Алина, отпусти его, — сказал он тихо.

Она убрала руку. Денис сделал шаг, затем повернулся к Максиму.

— Только не кричи на неё.

— Я не кричу.

— По тебе видно, что ты едва держишься.

Максим смотрел на него и не мог понять, зачем тот продолжает говорить. В коридоре было достаточно места, чтобы пройти. Дверь квартиры оставалась открытой для него, стоило только повернуть ручку. Но Денис снова приблизился — возможно, чтобы выглядеть смелее в глазах Алины, возможно, потому что тоже испугался и не умел отступать.

— Уйди, — повторил Максим.

— Сначала успокойся.

Максим поднял ладонь, указывая на коридор. Не замахнулся. Не коснулся его. Он хотел только, чтобы чужой человек исчез из комнаты.

В проходе между креслом и кроватью было тесно. Денис шагнул вперёд, и Максим отступил, чтобы не столкнуться с ним плечом. Пятка нащупала смятый угол коврика — того самого, под которым София прятала игрушечную машинку. Максим не успел переставить ногу.

Денис резко толкнул его обеими руками в грудь.

Толчок отбросил его назад. Пятка запуталась в коврике. Максим схватился за спинку кресла, но ткань выскользнула из пальцев. Потолок резко накренился, и белая полоска света у двери метнулась в сторону.

Он успел подумать: сейчас ударюсь спиной.

Затылок встретился с выступающим деревянным углом кроватного каркаса.

Затылок ударился о выступающий деревянный угол кровати. Звук вышел коротким, глухим — так падает на пол тяжёлая книга. Боль не пришла сразу. Сначала Максим ощутил холод половиц под ладонью и попытался согнуть колено. Нога почти не слушалась. Алина вскрикнула где-то очень далеко.

Несколько мгновений Максим оставался в сознании. Он видел под кроватью серую пыль и один детский носок, неизвестно как туда попавший. Вспомнил, как София однажды требовала найти второй носок с зайцем, потому что без него нельзя было идти в садик.

Глава 5. Последняя мысль Максима Орлова

Первым исчезло чувство времени.

Не боль — она осталась. И не страх. Страх пришёл позже, когда Максим понял, что лежит на полу собственной спальни и не может определить, сколько прошло секунд с того момента, как затылок встретился с деревянным краем кровати.

Он видел узкую полосу паркета. Между двумя досками тянулась синяя черта: София когда-то опрокинула стакан с гуашью, а он пообещал всё отмыть. Обещание оказалось настолько маленьким, что его было легко забывать. Сейчас эта черта была единственным предметом, который он мог разглядеть отчётливо.

Всё остальное распадалось на звуки.

— Ты что наделал?! — закричала Алина.

— Я его не бил! Я только оттолкнул!

Максим узнал голос Дениса и попытался повернуть голову. Комната немедленно качнулась. Внутри черепа что-то тяжело ударило, словно кто-то опустил в него металлический шар.

Не двигайся, подумал он. Это была привычная команда, которой он отдавал распоряжения себе на работе: не суетись, оцени, действуй.

Но тело больше не подчинялось.

Он попытался поднять правую руку. Пальцы едва заметно царапнули паркет. Левая лежала под ним чужой, безжизненной тяжестью. Он хотел спросить, где телефон, но вместо слов из горла вышел влажный хрип.

— Скорую вызывай! — закричала Алина. — Сейчас же!

— Я вызываю!

Послышались торопливые гудки. Денис назвал адрес, дважды ошибся номером квартиры. Максим с раздражением подумал, что незнакомый мужчина даже не знает, где находится выключатель в их коридоре, зато знает дорогу в их спальню.

Эта мысль показалась ему настолько мелкой и злой, что он почти рассмеялся. Смех не получился.

Денис продолжал говорить с диспетчером. Сначала быстро, будто хотел отчитаться и положить трубку, затем медленнее. Он повторил слова «упал» и «не встаёт», но ни разу не произнёс «я толкнул». Максим заметил эту осторожность с холодной ясностью. Даже сейчас человек, который стоял у его кровати, пытался выбрать историю, в которой сам окажется ни при чём.

— Скажите, он дышит? — спросил голос из телефона.

— Да. Кажется, да.

— Не «кажется». Подойдите и посмотрите на грудную клетку.

Денис замолчал. Максим услышал шорох одежды и почувствовал чужое дыхание совсем близко. Хотелось отодвинуться, но тело не позволило даже отвернуться. В этой беспомощности было что-то хуже боли: необходимость ждать, пока другой человек выполнит простейшее действие, от которого теперь зависело всё.

— Дышит, — выговорил Денис.

— Не перемещайте пострадавшего. Бригада направлена. Оставайтесь на линии.

Максим прежде считал, что в беде человек непременно становится лучше: перестаёт лгать, забывает мелкие обиды, делает необходимое. Сейчас рядом стоял мужчина, который, возможно, боялся не смерти Максима, а того, что придётся отвечать за случившееся. И Максим не знал, какая из этих мыслей причиняла ему большую боль.

На полу возле кровати лежала бумажная обёртка от цветов. Сами цветы, кажется, остались в прихожей. Максим купил их после работы, долго выбирая между слишком дорогим

букетом и тем, который Алина любила прежде. Взял второй. Он собирался сказать: «Давай попробуем ещё раз». Не потребовать признаний, не устраивать допрос. Просто сесть за стол и поговорить.

Сейчас он не мог вспомнить, почему был так уверен, что разговор вообще состоится.

Алина опустилась рядом. Её колени ударились о пол.

— Макс. Макс, посмотри на меня.

Он посмотрел. На её лице не было ни привычного раздражения, ни той усталой вежливости, с которой они разговаривали последние недели. Она выглядела так, словно сама не верила происходящему.

— Не закрывай глаза. Слышишь? Не закрывай.

Максим хотел ответить, что не собирается. Ему нужно было только немного полежать, чтобы прошла тошнота. Он не мог умереть здесь, среди разбросанной одежды и чужих ботинок. В холодильнике лежал ужин. В кармане куртки — пакет с деталями для корабля Егора.

«Я вернусь и посмотрю», — написал он сыну.

Он ведь вернулся.

Это почему-то было самым невыносимым.

В прихожей хлопнула дверь. Денис вышел встречать врачей или просто сбежал — Максим не различил. В квартире стало тише. Алина держала его ладонь обеими руками, но прикосновение почти не ощущалось.

— Прости, — сказала она. — Я не думала, что так получится.

Он попытался разжать пальцы. Не для того, чтобы оттолкнуть её. Ему хотелось проверить, способен ли он ещё хоть что-то решить сам.

Пальцы не разжались.

В памяти всплыла совсем другая рука: маленькая, тёплая, перепачканная клеем. Егор протягивал ему картонную деталь и спрашивал, где у корабля должен быть люк. Максим тогда торопился. Он сказал: «Потом». Сын кивнул так серьёзно, словно получил взрослое объяснение.

Максим увидел корабль почти целиком. Неровные иллюминаторы, серебристая бумага, синий фломастер на борту. Егор оставил свободное место для люка — чтобы папе тоже было что сделать.

Если он умрёт, мальчик будет ждать? Сколько дней? Кто скажет ему, что папа уже не придёт? И как объяснят Софии, почему нельзя больше звонить человеку, который всегда отвечал, пусть и не сразу?

Эти вопросы оказались сильнее боли.

Егор в последнее время задавал вопросы осторожно, как будто проверял прочность тонкого льда. Можно ли оставить свет в коридоре? Можно ли взять второй кусок пирога? Можно ли попросить папу посидеть рядом, если папа не слишком устал? Раньше Максим принимал эту вежливость за взросление. Теперь увидел в ней другое: мальчик научился заранее уменьшать свои желания.

София не умела так. Она забиралась к нему на колени без предупреждения, могла прервать разговор и потребовать посмотреть на рисунок. Иногда Максим раздражался и просил подождать пять минут. Она уходила, а через минуту возвращалась, уверенная, что пять минут уже прошли. Он вспоминал это и чувствовал такую острую нежность, что хотелось немедленно попросить прощения у обоих.

Но сказать «прости» детям означало бы сначала дожить до утра.

Он попробовал сосредоточиться на дыхании. Вдох. Пауза. Ещё вдох. Так он когда-то считал секунды, когда учил Егора не бояться прививок. «Смотри на меня, а не на иглу». Сейчас он сам смотрел на пятно краски и ждал, чтобы кто-нибудь сказал ему те же слова.

Он попытался вдохнуть глубже. Воздух словно застревал на полпути. Алина заметила это и громко назвала его имя. Максим видел, как движутся её губы, но звук внезапно отступил.

Вместо него пришла память о субботнем утре. Он стоял у двери с сумкой инструментов. Егор не плакал, не спорил. Только спросил, не мешает ли он папе работать, когда просит поиграть.

Максим тогда ответил правильно. Он сказал, что сын никогда ему не мешает.

А потом ушёл.

Ему хотелось вернуться в то утро не для того, чтобы отказать Серёге, не для того, чтобы заработать меньше. Он хотел хотя бы присесть перед мальчиком и сказать то же самое так, чтобы Егор поверил.

Из коридора донёсся голос незнакомой женщины. Спокойный, быстрый. Врач. Максим услышал обрывки вопросов: «Когда упал?», «Сознание терял?», «Не поднимайте». Кто-то осторожно коснулся его шеи.

— Максим, вы меня слышите? Моргните, если слышите.

Он моргнул.

— Хорошо. Не пытайтесь вставать.

Он хотел спросить, опасно ли это, но язык не слушался. Врач направила свет ему в глаза. Один глаз отозвался резкой болью. Другой — будто вовсе не принадлежал ему.

— Давление падает, — сказал кто-то за спиной.

Медики не обсуждали, кто виноват. Женщина у его головы коротко называла цифры, другой человек проверял пульс и закреплял что-то на руке. Эта деловитость успокаивала: здесь не было места ни оправданиям Дениса, ни объяснениям Алины, ни его собственным подозрениям. Было тело, которому требовалась помощь.

— Максим, если понимаете меня, попробуйте сжать пальцы, — сказала врач.

Он попытался. На секунду ему показалось, что большой палец шевельнулся. Врач заметила или сделала вид, что заметила.

— Хорошо. Мы рядом.

— Есть кому позвонить? — спросила врач. — Родным, кроме супруги?

Максим пытался произнести номер матери. Цифры всплывали не по порядку, и он впервые подумал, что за пределами квартиры тоже существуют люди, которые будут ждать его ответа. Мать звонила по воскресеньям. Он часто обещал перезвонить после смены и забывал.

— Не мучайтесь, — сказала врач, заметив движение губ. — Мы узнаем контакты. Сейчас смотрите на меня.

Он послушался. Женщина не знала ни о цветах, ни о Денисе, ни о субботнем корабле. Её интересовало только, удерживает ли он взгляд и понимает ли обращённую к нему речь. На несколько секунд Максим оказался не мужем, не отцом, не должником и не работником, которого все ждут. Просто человеком, которого пытаются спасти.

«Рядом» — удивительное слово. В нём не обещали, что всё закончится благополучно. Не требовали быть сильным. Просто сообщали, что в этой минуте он не один. Максим вдруг понял, как давно никто не говорил с ним так, ничего не ожидая взамен.

За спиной врача Алина отвечала на вопросы. Возраст. Аллергии. Принимает ли лекарства. На последнем она запнулась. Максим хотел напомнить про таблетки от давления, которые купил весной и почти перестал принимать. Он не помнил названия, зато помнил, где лежала коробка: за банкой кофе, на верхней полке. Алина не знала. И это почему-то было страшнее, чем её слёзы.

— Посмотрите в кухонном шкафу, — выдавил он, или ему только показалось, что выдавил.

Врач наклонилась ближе.

— Не напрягайтесь. Мы разберёмся.

Максим не понял, относились ли эти слова к нему. Внутри нарастало странное спокойствие, не похожее на облегчение. Скорее на усталость человека, который наконец перестал держать тяжёлую дверь.

Его всю жизнь учили быть надёжным. Отец говорил: мужчина отвечает за сказанное. Мать добавляла: не жалуйся, другим хуже. На первой работе начальник повторял: незаменимых нет, но на тебя можно положиться. И Максим старался. Он действительно любил быть тем, кто не подводит.

Пока однажды не обнаружил, что это качество стало для окружающих удобнее, чем он сам.

Он вспомнил, как в двадцать шесть продал мотоцикл. Хотел поехать к морю один, без маршрута, с ночёвками где придётся, но отдал деньги за ремонт детской. Тогда он подписал договор с покупателем без сожаления. Теперь пытался вспомнить, в какой момент начал вести счёт таким решениям.

Он вспомнил больное колено, обследование, которое отложил после очередного платежа по кредиту. Вспомнил пропущенный день рождения друга, недописанное заявление на отпуск, разговор с начальником, когда в очередной раз согласился заменить заболевшего сотрудника.

Ни один из этих поступков не был преступлением против самого себя. Страшнее было другое: он перестал спрашивать, чего хочет, ещё до того, как ему могли отказать.

Алина наклонилась к нему. Слёзы капнули на воротник его рубашки.

— Дети у мамы, — сказала она, словно отвечая на невысказанный вопрос. — С ними всё хорошо. Слышишь? Они у мамы.

Максим с усилием удержал её лицо в поле зрения.

Дети у бабушки. Хорошо. Значит, они не видели Дениса, не слышали крика и не увидят сейчас отца на полу.

Это было единственное настоящее облегчение за весь вечер.

За этой мыслью пришла другая, страшнее боли и крови: он так и не узнал правду.

Медицинские документы, осторожные ответы Алины, консультация врача, её телефон, который она отворачивала экраном вниз. Все эти дни Максим пытался решить задачу, у которой, возможно, не было решения без анализа ДНК. Он мог ошибаться. Мог быть отцом обоих детей. Мог не быть отцом ни одного. Он не знал.

А ведь любовь к ним не зависела от результата.

Егор оставался мальчиком, который засыпал с книгой на груди. София — девочкой, способной час спорить о том, почему луна следует за машиной. Максим помнил их первый шаг, первый испуг, бессонные ночи и запах мокрых волос после купания. Эти воспоминания не мог отменить никакой лабораторный бланк.

И всё же обман, если он был, менял что-то в нём самом. Он больше не понимал, где заканчивалась его собственная жизнь и начиналась история, которую за него сочинили другие.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — прошептала Алина.

Он услышал в этих словах не оправдание и не признание. Только страх.

Раньше Максим немедленно принялся бы успокаивать её. Даже сейчас, лежа на полу, он на миг ощутил старый порыв: сказать, что всё будет нормально, что она не должна плакать, что он справится.

И впервые не захотел.

Врач что-то распорядилась. Его стали перекладывать. Мир накренился, синяя полоска между досками исчезла, и Максим понял, что теряет квартиру — не юридически, не в споре о собственности. Он теряет возможность ещё раз увидеть её обычной.

В гостиной остались детские рисунки. На кухне — чашка с отбитой ручкой, из которой он пил по утрам. Под батареей — носок Софии, который они искали неделю. В кармане куртки — детали для корабля.

Он хотел закричать, чтобы кто-нибудь забрал пакет и передал Егору. Чтобы не выбрасывали его вместе с чеками и пустыми упаковками. Чтобы мальчик понял: папа всё-таки помнил.

Из груди вышел слабый звук.

— Не разговаривайте, Максим, — сказала врач. — Берегите силы.

Силы. Ему всю жизнь говорили беречь силы, а затем просили отдать ещё немного.

Он почувствовал, как под ним заскрипели носилки. У самого уха щёлкнул ремень. Потолок поплыл назад. В дверном проёме стояла Алина, прижимая ладонь ко рту. Дениса нигде не было видно.

Максим попытался удержать в памяти её лицо, но вместо него возникло лицо Егора в субботнее утро. Мальчик смотрел не сердито. Он смотрел так, будто уже учился не ждать.

«Не надо было учить его этому», — подумал Максим.

Лифт ехал медленно. Кто-то придерживал дверь. С лестничной площадки пахло краской и чужим ужином. Врач задавала вопросы, на которые он уже не мог ответить. В какой-то момент он понял, что не чувствует ног.

Страх вернулся сразу, целиком.

Он не хотел умирать.

Когда двери лифта разошлись, в подъезде стояла соседка с пятого этажа. Максим узнал её по рыжему шарфу. Они много лет здоровались у почтовых ящиков, однажды вместе вытаскивали застрявшую коляску из сломанного лифта. Женщина отступила к стене, увидев носилки, и прикрыла рот ладонью.

Он хотел сказать ей, чтобы она не смотрела так. Через час она расскажет кому-нибудь, что соседа увезли, а утром во дворе появятся версии: драка, инфаркт, несчастный случай. Люди будут произносить его имя так, словно оно принадлежит человеку, которого уже можно обсудить в прошедшем времени.

На улице пахло мокрым асфальтом. Свет фонаря резал глаза. Максим различил очертания припаркованных машин и внезапно вспомнил, что оставил свою у соседнего дома. На пассажирском сиденье лежал чек из магазина. Если завтра кто-нибудь станет искать ключи, их найдут в кармане куртки. Если станут искать его самого — уже будут знать, где он.

Ему хотелось удержать мир на месте, заставить фонарь светить так же, машины стоять так же, соседку вернуться к своим покупкам. Будто, если ничего вокруг не изменится, не изменится и то, что произошло с ним.

Не хотел оставлять детей с вопросами, на которые никто не сможет ответить. Не хотел, чтобы его последним разговором с Алиной стал крик. Не хотел, чтобы мужчина, которого он почти не знал, оказался последним человеком, прикоснувшимся к нему до падения.

И всё-таки страх не превращался в раскаяние. Максим не находил в себе желания простить или понять. Ему хотелось ещё одного утра. Одного часа. Возможности выбрать иначе.

Скорая тронулась. Сирена завыла где-то далеко, будто в другом городе. Максим видел свет над собой: белую полоску, которую пересекали тени чужих рук.

— Максим, держитесь. Слышите меня?

Он слышал. Слова уже не складывались в смысл.

Перед ним возникла простая картина: пустая дорога к морю, мотоцикл, ветер под воротником. Та жизнь, которой не было. Затем — детский смех на заднем сиденье машины. Та жизнь, которая была. Ни одну из них он не хотел обменивать на другую. Он хотел невозможного: чтобы обе принадлежали ему.

Внутри вспыхнула злость. Не яркая, не громкая — упрямая, как последний уголёк под золой.

Он больше не желал быть человеком, который сначала выясняет, чего ждут остальные, а потом решает, сколько ему позволено оставить себе. Но и эта мысль ещё не делала его чудовищем. В ней было слишком много боли, слишком много любви, которую он не успел выразить.

Злость отступила так же внезапно, как возникла. Максим не думал о мести. Он всё ещё хотел домой — к детям, к незакреплённому люку на картонном корабле, к самому обыкновенному утру.

Врач сжала его плечо. Чужие голоса ускорились. Кто-то назвал цифры, которые Максим не понял.

Он представил Егора у стола. Мальчик держит маленький картонный люк и ждёт, когда отец покажет, как его закрепить. Максим протянул руку — уже не в машине, а в этой последней, невозможной картине. Ему показалось, что пальцы почти коснулись картона.

«Прости, что заставил тебя ждать».

Он не знал, сказал ли это вслух.

А потом память сделала жестокий поворот. Всплыл не сын, не жена и не дорога к морю, а он сам — мальчишка, который когда-то хотел быть счастливым без всякого разрешения. Он не просил многого. Просто верил, что его жизнь принадлежит ему.

Максим попытался ухватиться за это чувство.

Если бы ему дали начать заново, он не стал бы снова мерить свою ценность количеством чужих проблем, которые сумел решить. Он хотел бы выбирать. Отказывать. Ошибаться по собственной воле. Любить, не превращая любовь в счёт, по которому обязан платить до конца дней.

Но в последние секунды страх исказил желание. Там, где ещё недавно было «хочу иметь право», появилось другое, гораздо более жёсткое: «не позволю никому отнять».

Он не успел заметить разницу.

Он не думал об Алине и Денисе. Ему хотелось только одного: чтобы больше никто не мог решить за него, увидит ли он следующее утро.

На работе ломались даже исправные механизмы; дома самые близкие люди могли оказаться чужими. Раньше Максим мирился с тем, что нельзя предусмотреть всё. Теперь он цеплялся за невозможное: если бы ему хватило власти, чужая ошибка никогда больше не решала бы его судьбу.

Это была ещё не убеждённость, только соблазн. Он возник из страха и оказался удивительно похож на надежду.

Максим попробовал вспомнить голос Егора, не слова, а именно голос: как тот растягивал гласные, когда увлекался рассказом, как шептал после отбоя, чтобы не разбудить сестру. Память не подчинилась. Вместо голоса пришёл образ пустого стула за кухонным столом. Он испугался, что уже начинает забывать самое важное, хотя ещё жив.

Он мысленно перечислил то, что знал наверняка. У Егора на правом локте маленький шрам после велосипеда. София не ест помидоры, но любит томатный суп, если не говорить, из чего он приготовлен. У Алины, когда она волнуется, холодеют ладони. Все эти знания принадлежали ему, и никто не мог отнять прожитых с ними лет. Даже если он больше никогда их не увидит.

Он захотел произнести имена детей вслух. Один раз, чтобы они остались в мире не только в его голове. Но губы не двигались. И тогда он впервые по-настоящему испугался не смерти, а того, что его последняя мысль окажется не о них.

«Больше никогда, — подумал Максим. — Никогда не отдам свою жизнь в чужие руки».

Свет над носилками вытянулся в тонкую белую нить.

Потом погас.

Но темнота не пришла.

Глава 6. Кот между мирами

Он открыл глаза и не увидел потолка.

Это было первым, что показалось неправильным. Последним, что Максим помнил, был свет над носилками: вытянутая белая полоса, расплывавшаяся над лицами людей. Он пытался удержать её взглядом, как будто от этого зависело, останется ли он там, где был. Теперь над ним висели звёзды. Ни одна не мерцала.

Максим лежал на спине. Под ладонями была холодная гладкая поверхность. Он перевернулся на бок, ожидая боли в затылке, тошноты, тяжести в груди. Ничего. Пальцы послушно сжались. Ноги слушались тоже. Даже дыхание было ровным — только он не мог вспомнить, когда вдохнул в последний раз.

Он сел.

Под ним простиралась чёрная равнина, похожая на стекло после дождя. Она отражала звёзды, но не его самого. В нескольких шагах начиналась темнота, в которой невозможно было различить ни горизонта, ни расстояния.

— Нет, — сказал Максим.

Голос прозвучал так отчётливо, что он вздрогнул. В больнице слова застревали у него в горле. Здесь каждое было на месте.

Он поднялся, сделал шаг и остановился. На чёрной поверхности не осталось следа.

— Я умер.

— Приятно иметь дело с человеком, который умеет делать выводы.

Голос раздался сзади. Максим резко обернулся.

На невысокой каменной колонне сидел чёрный кот. Не домашний толстяк и не уличный зверь с порванным ухом — длинный, узкий, с шерстью, в которой не отражался свет. Его глаза были жёлтыми, но зрачки оставались тонкими даже под неподвижными звёздами. Хвост медленно двигался из стороны в сторону.

Максим оглянулся, надеясь увидеть человека, которому принадлежал голос.

— Я здесь один? — спросил он.

— Уже двое. Если считать тебя.

Кот разомкнул пасть. Слова прозвучали без усилия, без комического подражания человеческой речи. Максиму стало холоднее, чем от камня под ногами.

— Ты говоришь.

— И ты тоже. Пока это не произвело на меня особенного впечатления.

— Кто ты?

Кот опустил хвост.

— Вот это хороший вопрос. Обычно сначала спрашивают, где находятся. Потом — можно ли вернуться. И только после долгой, утомительной истерики интересуются собеседником.

— Я спросил, кто ты.

— Проводник. Не имя. Работа.

Максим медленно выдохнул. Он ожидал увидеть что угодно: свет в конце коридора, лица родителей, врачей, которые снова велят не закрывать глаза. Разговаривающий кот не входил даже в список невероятного.

— Значит, это сон.

— Ты уже назвал происходящее смертью. Держись одной версии, иначе нам обоим придётся начинать заново.

Максим присел и коснулся поверхности. Холод был настоящим. Ноготь скользнул по стеклу, не оставив царапины.

— Что это за место?

— Промежуток.

— Между чем и чем?

— Между тем, что с тобой произошло, и тем, что ещё может произойти.

— Ад?

— Ты разочаруешься, если я скажу, что у нас нет огня, вил и очереди к котлам?

— Мне всё равно, чем ты меня разочаруешь.

— Враньё. Тебе очень многое не всё равно.

Кот произнёс это негромко. Максим вспомнил белый рукав врача, запах пластика в машине скорой помощи, телефон, который никто не дал ему подержать. Вспомнил Егора. Ножницы с тупыми концами, лист картона, неправильно нарисованный иллюминатор.

Он попытался вызвать в памяти лицо сына — и испугался: сначала пришёл только голос.

— Мне нужно к детям.

Кот не ответил сразу. Его хвост застыл, как стрелка часов.

— Только что ты был уверен, что возвращаться некуда.

— Я такого не говорил.

— Ещё нет. Но собирался. Это у людей заметно заранее.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Максим шагнул к колонне.

— Если ты можешь вернуть меня, говори сразу. Если нет — перестань изображать загадку.

— Какое удивительное доверие к существу, которого ты встретил меньше минуты назад.

— Ты первый, кто здесь разговаривает.

— И поэтому обязан исполнить просьбу?

Максим хотел ответить грубо. Вместо этого почувствовал, как сжимаются пальцы. Он слишком хорошо знал эту привычку: сначала требовать, потом спорить, затем извиняться, когда выяснится, что собеседник ничем не обязан.

— Я не знаю, что ты можешь, — сказал он. — Скажи хотя бы, жив ли я.

— В прежнем смысле — нет.

Слова не ударили. Они легли куда-то глубже, туда, где уже не было боли.

— А Егор и София?

— Живы. На момент, когда твоя жизнь оборвалась.

— Почему «на момент»?

— Потому что я не собираюсь обещать тебе то, чего не знаю. Ты должен оценить такую редкость.

Максим отвернулся. Чёрная равнина оставалась одинаковой со всех сторон. Он представил утро в квартире матери Алины: Егор проснётся раньше всех, попросит телефон, потом спросит, когда приедет папа. София потянется за чашкой двумя руками. Кто-то из взрослых будет подбирать слова.

Ему стало трудно стоять.

— Они не должны узнать вот так.

— Как именно?

— Что я просто не вернулся.

— Умершие редко выбирают способ сообщить о себе.

Максим резко повернулся.

— Если тебе интересно смотреть, как люди мучаются, найди другого.

Кот не оскорбился. Он даже не моргнул.

— Я не заставлял тебя вспоминать детей. Ты сделал это сам.

На поверхности у ног Максима появилась светлая полоска. Сначала он решил, что это трещина, но она расширилась, и в глубине возникло изображение: кухонный стол, залитый утренним светом. На нём стояла кружка с отколотой ручкой. Рядом лежал незаконченный бумажный корабль.

Максим бросился к изображению и упал на колени.

— Егор?

Картинка не отозвалась. За столом никто не сидел. Свет был неподвижным, как звёзды.

— Это сейчас? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты понял разницу между памятью и дверью. Ты можешь смотреть на то, что у тебя было. Это не значит, что ты можешь войти.

Максим ударил ладонью по стеклу. Изображение исчезло. Ни звука, ни трещины.

— Ты издеваешься.

— Я объясняю. Люди часто путают эти занятия, когда ответ им не нравится.

Кот спрыгнул с колонны. Его лапы не издали ни звука. Он оказался ближе, чем Максим ожидал, и вдруг показался не больше обычного дворового кота. От этого стало ещё страшнее.

— Чего ты хочешь от меня?

— Узнать, что ты попросишь, когда перестанешь просить невозможного.

— Верни меня.

— Невозможно.

— Дай им узнать, что я их любил.

Кот впервые отвёл взгляд.

— Я не посыльный. И не стану выдавать тебе утешительную ложь о том, что все слова обязательно доходят до адресата.

Максим молчал. Это было жестоко — и почему-то убедительнее обещания.

— Значит, всё? — спросил он.

— Твоя прежняя жизнь закончилась. Это не то же самое, что «всё».

Максим вспомнил последние минуты. В них было много страха и мало ясности. Он пытался не думать о том, как Денис положил руки ему на грудь. Пытался не слышать Алину. И всё же мысли возвращались не к толчку, а к собственным обещаниям: на выходных, в следующем месяце, после отчёта, когда станет легче.

Он столько раз переносил жизнь, словно у неё имелся запасной календарь.

— Если я не могу вернуться, — произнёс он, — что ты предлагаешь?

— Другую жизнь.

Максим поднял голову.

— В другом месте?

— Да.

— С тем же телом?

— Нет.

— С памятью?

— Не всей сразу. Память плохо переносит некоторые виды начала.

— И что взамен?

Кот сел, аккуратно обернув хвост вокруг лап.

— Любопытство. Моё, разумеется.

— Не верю.

— Правильно. Но это единственная плата, о которой я сейчас говорю.

Максим встал. На его руках не было ни крови, ни следов от катетера. Он посмотрел на пальцы, которыми ещё утром держал цветы. Даже это тело было воспоминанием о теле.

— Что за мир?

— Там есть города и голод. Правители и дороги. Люди, которые считают себя лучше соседей, и соседи, уверенные в обратном. Есть магия.

— Магия?

— Ты только что поговорил с котом после смерти. Не заставляй меня доказывать каждое слово отдельно.

— Если там магия, можно будет вернуться?

Кот медленно прикрыл глаза.

— Ты опять ищешь дверь, которой я не обещал.

— Я спрашиваю.

— Возможно, кто-то в том мире попытается открыть проход. Возможно, попытка обойдётся ему дороже, чем он готов заплатить. Я не выдаю надежду за карту.

Максим запомнил осторожность ответа. Впервые он подумал, что Проводник не просто отказывается говорить. Он выбирает слова так, чтобы потом нельзя было обвинить его в обещании.

— Ты хочешь, чтобы я согласился, ничего не зная.

— Ты хочешь гарантий, которых у живых никогда не было. Вы удивительно быстро начинаете требовать их после смерти.

— Подожди, — сказал Максим. — Ты говоришь о другой жизни так, будто она лежит у тебя в кармане. А где все остальные?

— Какие остальные?

— Люди, которые умерли сегодня. Вчера. Десять лет назад. Ты встречаешь каждого?

Кот посмотрел на собственную лапу, словно впервые заметил на ней пылинку.

— Ты видишь здесь очередь?

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который тебе сейчас пригодится.

Максим хотел потребовать большего, но вдруг понял, что боится услышать объяснение. Если Проводник был лишь одним из многих, значит, смерть превратилась в систему, у которой есть служащие, расписание, чужие решения. Даже здесь, за пределами жизни, он оказался бы просителем перед закрытой дверью.

— А если я скажу нет? — спросил он. — Ты отправишь меня туда, куда отправляешь остальных?

— Я не отправляю остальных. И не назначаю им судьбу.

— Тогда почему решаешь мою?

— Я предлагаю. Ты всё время называешь предложением только то, что тебе нравится.

Максим провёл рукой по лицу. Кожа была сухой, гладкой. Ни щетины, ни усталости. Он вдруг вспомнил, как перед выходом с работы подумал, что надо бы побриться: Алина терпеть не могла, когда он царапал ей щёку. Странная, ничтожная мысль, которую мозг сохранил среди последних.

— Ты можешь показать мне, что с ними будет? — спросил он. — Не память. Будущее.

— Нет.

— Не можешь или не хочешь?

— Есть разница, которую ты пока не способен проверить.

— Ты умеешь говорить так, чтобы ни за что не отвечать.

— А ты привык считать честным только того, кто обещает тебе невозможное.

Максим сжал зубы. В первый раз он почувствовал не обиду, а отвращение к самой беседе: каждое его слово будто возвращалось к нему с вывернутой изнанкой. Он больше не хотел просить у кота милости. Но перестать спрашивать означало признать, что дети останутся без его защиты.

— Если у тебя когда-нибудь появится способ передать им хоть слово, — произнёс он, — передай, что я не уходил от них по своей воле.

Кот долго смотрел на него.

— Я услышал просьбу, — сказал он наконец. — Не путай это с обещанием.

Максим кивнул. Впервые ему удалось принять ответ, не пытаясь немедленно выторговать другой.

— Тогда расскажи о правилах.

— Там силу измеряют кругами. Первый — самый простой. Седьмой — почти недостижимый. Учителя называют это лестницей. Ученики мечтают подняться по ней, а те, кто стоит наверху, объясняют остальным, почему лестница устроена справедливо.

— Ты говоришь так, будто это ловушка.

— Я говорю так, будто видел много лестниц.

— А я кем буду?

— Младенцем. Без титула, без денег, без воспоминаний о том, как правильно держать ложку. По крайней мере сначала.

Максим невольно представил себя беспомощным ребёнком, которого кто-то может оставить, накормить, ударить, взять на руки. Всё зависело бы от чужих решений. От этого предложения хотелось отказаться немедленно.

— И это ты называешь вторым шансом?

— Ты хотел жить. Рождение обычно начинается именно так: человек ничего не решает и очень громко возмущается.

— Я хотел выбирать.

— Тогда тебе придётся вырасти.

Слова прозвучали почти спокойно. Но Максим услышал в них издёвку. Он уже прожил жизнь, в которой приходилось ждать разрешения: начальника, банка, обстоятельств, семейного расписания. Теперь ему предлагали начать с самого бесправного положения, какое только возможно.

— Почему именно я?

— Потому что ты здесь.

— Здесь много таких?

— Не сейчас.

— А вообще?

— Ты задаёшь вопросы, которые могут испортить тебе сон. Хотя со сном у тебя уже не должно быть проблем.

Максим шагнул к коту, но тот не отступил.

— Скажи хоть что-нибудь прямо.

— Хорошо. Ты не избранный. Твоя смерть не была устроена ради великой цели. Тебя не проверяли тайные силы, когда ты выбирал цветы. Никто не считал твою боль доказательством достоинства. Случилась человеческая жестокость, за ней — несчастье. Это всё.

Максим почувствовал облегчение, настолько неожиданное, что почти разозлился. Если его не выбирали, значит, можно было перестать искать смысл в том, как он умер.

— Тогда зачем ты здесь?

— Я уже сказал: наблюдаю.

— За кем?

— За теми, кому удаётся получить желаемое. Это редкий и поучительный опыт.

— Ты наблюдаешь за теми, кто получает желаемое, — повторил Максим. — А если они получают его не тем способом?

— Тогда история становится длиннее.

— Для тебя всё история?

— Для тебя всё пока ещё личная обида. Мы оба смотрим слишком близко.

Максим посмотрел на неподвижные звёзды под ногами. В отражении не было его лица, но иногда казалось, что в чёрной глубине движется что-то большое, не поднимаясь к поверхности. Он вспомнил аквариум в детстве: если выключить свет в комнате, рыбы исчезали, пока одна не касалась стекла изнутри.

— Ты когда-нибудь жалел о том, что предложил кому-то второй шанс?

Проводник поднял глаза. Впервые он не ответил сразу.

— Жалость плохо меняет то, что уже случилось.

— Значит, жалел.

— Значит, ты наконец научился слышать паузу.

Максим присел перед котом. Они оказались почти на одном уровне, хотя жёлтые глаза всё равно смотрели на него сверху вниз.

— Если я окажусь там и совершу что-нибудь ужасное, ты остановишь меня?

— Почему я должен?

— Потому что это ты меня туда отправишь.

— И вот мы снова пришли к тому, что ответственность за твою руку должен нести тот, кто открыл дверь.

Максим резко выпрямился. Ему захотелось ударить колонну, разбить стекло, заставить это существо хотя бы на секунду испугаться. Но именно это желание — ударить, потому что он не мог добиться ответа, — напомнило ему Дениса. Он отвернулся прежде, чем кот успел что-либо заметить.

— Я не собираюсь никого убивать, — сказал он.

— Сейчас я тебе верю.

В слове «сейчас» не было угрозы. Оттого оно запомнилось сильнее.

Кот повернулся и пошёл по стеклу. За каждым шагом на мгновение загоралась тонкая линия. Максим последовал за ним, хотя никто не звал.

— В том мире я смогу стать сильным?

— Возможно.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы ошибаться с последствиями.

— Ты нарочно не отвечаешь.

— Я отвечаю точнее, чем тебе нравится.

Впереди появилась арка, собранная из неровных каменных плит. Между ними не было раствора. Внутри арки клубилась темнота, не похожая на пустоту вокруг: она двигалась, будто там дышало огромное животное.

Максим остановился.

— А если я откажусь?

— Останешься здесь ненадолго. Потом — не знаю. Есть пределы и у моей работы.

— Ты хочешь сказать, что у меня нет выбора.

— Нет. Я говорю, что у каждого выбора есть границы. Даже у твоего.

Максим долго смотрел в арку. Перед глазами возникла Алина, но не в спальне: на автобусной остановке много лет назад, в чужом шарфе, смеющаяся от холода. Потом Егор, который требовал, чтобы космический корабль обязательно имел люк. Потом София, засыпающая у него на плече и цепляющаяся пальцами за воротник.

Он не хотел отказываться от детей. И не хотел прикрываться их именами, чтобы оправдывать всё, что сделает потом. Он пока не видел противоречия между этими желаниями — и не пытался заглянуть дальше.

— Если я соглашусь, они останутся моими детьми? — спросил он.

— Да. То, что ты умрёшь второй раз или проживёшь сто лет, не изменит того, кем ты был для них.

— И я ничего не смогу сделать?

— Сейчас — нет.

— Значит, это не окончательный ответ.

— Это ты решил услышать надежду.

Максим подошёл к арке. Внутри неё вспыхивали короткие изображения: горная тропа, тёмный лес, мокрые камни у дороги, огонь под железным котлом. Они исчезали прежде, чем он успевал рассмотреть детали.

— Что будет с памятью?

— Ты будешь помнить себя не так, как сейчас. Некоторые вещи вернутся раньше других. Некоторые — в самый неподходящий момент.

— Ты можешь стереть Алину?

— Могу не обещать, что забудешь её.

— Я не просил забыть детей.

— Я заметил.

Максим коснулся камня. Он был тёплым. Впервые с момента пробуждения он ощутил что-то похожее на движение времени: где-то за аркой капала вода, и между ударами проходили настоящие секунды.

— А что ты получишь, если я проживу новую жизнь?

— Историю.

— Тебе мало чужих историй?

— Мне редко попадаются люди, которые, потеряв всё, требуют не счастья и не справедливости, а права никогда больше не подчиняться.

— Я не говорил «никогда».

— Узнал достаточно, — ответил Кайрен. — Только слишком поздно.

Максим посмотрел на него. Кот сидел у основания арки, маленький и совершенно неподвижный. Его глаза не выражали ни сочувствия, ни злорадства. Это было хуже: в них не было человеческой меры.

— А если я стану таким же, как те, кто распоряжался мной?

— Тогда, возможно, впервые поймёшь, почему они считали себя правыми.

— Ты меня предупреждаешь?

— Я отвечаю на вопрос.

— У тебя всегда так?

— Не всегда. Иногда я молчу, и последствия оказываются ещё интереснее.

Максим отвернулся. Он понял, что спорить бесполезно. Проводник не собирался убеждать его, потому что согласие ничего не стоило бы, если бы кот произнёс правильные слова за него.

В последней жизни Максим слишком часто позволял другим формулировать, чего он хочет. Сейчас ему оставили хотя бы это.

Он стоял перед аркой и пытался решить не судьбу мира, не вопрос справедливости, а простую вещь: имеет ли право человек начать заново, если его дети не смогут начать заново вместе с ним.

Егор останется мальчиком, который не дождался обещанного вечера. София когда-нибудь забудет тембр его голоса; может быть, будет узнавать отца по фотографиям, где он улыбается в камеру и кажется лучше, чем бывал по утрам. Максим хотел возразить этому будущему, хотя ещё минуту назад сам требовал права уйти в другое.

Он вдруг понял, что новое рождение не станет исправлением старого. Никто не вернёт пятницу. Никакая сила не сделает так, чтобы Егор не ждал его у двери. И даже если он однажды найдёт путь назад, там может оказаться жизнь, в которой для него больше не осталось места.

Эта мысль причиняла боль сильнее слов кота. Но именно она была похожа на правду.

— Я не смогу прожить за них их жизнь, — сказал Максим.

— Не сможешь.

— И не смогу потребовать, чтобы они ждали меня.

— Нет.

— Тогда это будет моя жизнь. Не их долг передо мной.

Кот не ответил. Максим впервые был благодарен ему за молчание.

— Я хочу жить, — сказал он. — Не ради мести. И не ради того, чтобы кому-то доказать, что я лучше. Просто жить. Самому решать, что делать с тем, что мне достанется.

Кот чуть склонил голову.

— Последняя часть прозвучала любопытнее первой.

— Мне всё равно, что тебе любопытно.

— Прекрасное начало.

Максим сделал шаг к темноте и остановился в последний раз.

— Ты хотя бы скажешь, как тебя зовут по-настоящему?

— Нет.

— Почему?

— Имена дают возможность звать. А я не обещал приходить, когда меня позовут.

Максим хотел сказать, что это нечестно, но поймал себя на знакомом желании: предъявить правила тому, кто никогда не соглашался им следовать.

— Тогда прощай, Проводник.

— Не спеши с прощаниями.

— Это угроза?

— Наблюдение.

Он протянул руку в темноту. Ничего не коснулось пальцев. Ни ветер, ни холод, ни сопротивление — только отсутствие опоры, которое нельзя было измерить. Максим убрал руку. Впервые за весь разговор Проводник не пошутил и не подсказал, что делать.

Максим оглянулся на стеклянную равнину. Ему хотелось попросить ещё минуту, чтобы вспомнить лица детей без страха и без вины. Но он понял: минута здесь ничего не изменит. Воспоминания останутся с ним ровно настолько, насколько позволят неизвестные правила перехода. Это было несправедливо. И всё-таки решение принадлежало ему.

Максим вошёл в арку.

Поначалу ничего не случилось. Потом чёрная поверхность исчезла из-под ног. Звёзды сорвались со своих мест и потянулись вверх, словно он падал сквозь колодец, на стенах которого горели далёкие окна.

Он хотел закричать, но обнаружил, что не может набрать воздух. Руки стали чужими, тяжёлыми; затем пропало ощущение рук. Память рассыпалась не картинками, а связями: он ещё знал, что такое дом, но уже не мог назвать улицу; помнил детский смех, но не находил слова «сын»; ощущал обиду, не понимая, кто её причинил.

Он сопротивлялся. Не темноте — забвению. Пытался удержать два имени, повторял их мысленно, пока слова не превратились в бессмысленные звуки.

Егор. София.

Где-то очень далеко раздался голос кота:

— Я предупреждал не о том мире, Максим.

— О чём? — хотел спросить он.

Ответа не было.

Тьма сжалась. Вместо холодного стекла он почувствовал мокрую ткань на лице, резкий запах сырой земли и холодный воздух, царапающий горло. Тело оказалось маленьким, беспомощным, не умеющим подчиняться приказам. Он не знал, сколько оно уже пролежало здесь и почему так отчаянно хотело тепла.

Он попытался произнести два имени, за которые держался до последнего. Язык не слушался. Он даже не мог понять, куда исчезли слова.

Из горла вырвался плач младенца.

Его собственный.

Глава 7. Младенец у дороги

Дождь шёл третьи сутки, но только к вечеру стал похож на настоящий ливень.

На старой дороге между холмами вода успела съесть колеи, превратить низины в мутные озёра и обнажить камни, которые обычно прятались под землёй. Элдран Седой уже дважды пожалел, что не остался ночевать у мельника, и трижды — что вообще согласился идти в соседнюю долину. Но теперь возвращаться было дальше, чем добираться до Вейла.

Его левое колено отзывалось на каждый шаг тупой болью. Плащ давно промок, рука с посохом онемела, а в сумке лежали всего две сухие лепёшки и запечатанный свёрток с лекарством для деревенской повитухи. Если лекарство размокнет, придётся снова идти в соседнюю долину. Мысль об этом была хуже дождя.

У разрушенного придорожного святилища старик остановился. Сначала ему показалось, что в щели между камнями пищит раненая птица. Потом звук повторился — протяжный, надрывный, слишком человеческий.

Он постоял, прислушиваясь. В таких местах иногда оставляли приманки. Однажды разбойники посадили под мостом девчонку, чтобы путники останавливались помочь. Элдран тогда вытащил ребёнка, а трое мужчин ещё долго жалели, что выбрали именно эту дорогу. С тех пор он научился не доверять собственному состраданию раньше, чем осмотрится.

В грязи виднелись следы узких колёс. Два коня, судя по глубине отпечатков. Повозка остановилась у святилища, затем повернула обратно к тракту. Следы были свежими, но дождь уже сгладил края. Ни голосов, ни света в окрестностях не было.

— Если это ловушка, — сообщил Элдран мокрым кустам, — вы выбрали для неё совершенно неподходящую погоду.

Ответил ему новый плач.

Под обвалившимся каменным навесом стояла корзина. Её прикрыли серой тканью, придавили край двумя булыжниками, но ветер всё равно находил дорогу внутрь. На ткани не было ни герба, ни вышивки, ни знака родовой принадлежности. Внутри лежал младенец — мальчик с мокрыми тёмными волосами и стиснутыми кулачками.

Элдран сперва проверил, не спрятано ли что-нибудь под корзиной. Затем раздвинул складки ткани и приложил пальцы к шее ребёнка. Пульс был быстрым, дыхание слабым. Лоб горячим, щёки холодными. Такое сочетание старику не понравилось.

— Вот ведь дураки, — сказал он неизвестно кому. — Под таким дождём.

Мальчик открыл глаза и уставился на Элдрана. Старик поднёс ладонь к его щеке; ребёнок повернул голову вслед за теплом.

На мгновение Элдрану стало неуютно. Он отогнал ощущение. У голодного младенца не бывает намерений, которые можно прочесть по глазам. Бывают только взрослые, готовые выдумать их из-за усталости.

Он поставил посох между камнями и сложил пальцы. Над корзиной натянулся едва заметный Покров: капли, ударяясь о преграду, стекали по сторонам. Работа первого круга, которую он прежде выполнял не задумываясь. Сейчас рука дрогнула: после дороги даже такая мелочь потребовала усилия.

Защитить от воды — не значит согреть. Элдран развязал свой плащ, хотя сразу почувствовал, как холод вцепился в спину. Подложил под ребёнка сухую внутреннюю сторону, насколько мог, и завернул его вместе с корзиной. Плач оборвался, но не потому, что опасность миновала: младенец слишком устал.

— Не смей сейчас замолкать навсегда, — проворчал старик. — Я ещё не решил, что с тобой делать.

Он прижал мальчика к груди, спрятал лицо под полой плаща и пошёл быстрее. Корзину оставил под святилищем. Возвращаться за ней было некогда.

На третьем повороте мальчик закашлялся. Элдран остановился под деревом, откинул край ткани и увидел, что маленькое лицо побледнело. Он не умел определять, сколько времени осталось человеку по цвету губ. Когда-то умел — слишком давно, на войне, где приходилось решать, кого выносить первым. В памяти всплыли носилки из связанных копий, чужая кровь на рукавах, командир, требовавший не останавливаться ради раненых. Тогда Элдран подчинился. И всю оставшуюся жизнь находил для этого разумные объяснения.

Он прислонил посох к плечу и почти машинально потянулся к магии. Остановился. Он мог отвести воду Покровом, укрепить мостовую балку, сдвинуть тяжёлый камень, но не умел лечить переохлаждение прикосновением. Вместо заклинания он распахнул верх плаща и прижал свёрток ближе к своему телу, оставив лицо ребёнка открытым. Мальчик вздрогнул. Элдран ждал, пока не услышал ещё один вдох, потом второй.

— Прости, — сказал он тихо, хотя не знал, за что именно извиняется. За медлительность, за неумелость или за то, что только сейчас научился бояться за кого-то сильнее, чем за себя.

Он пошёл дальше, уже не считая шагов. Каждую минуту приходилось выбирать: бежать и трясти ребёнка на неровной дороге или идти осторожно, теряя драгоценное время. У него не было правильного решения. Только тяжесть на руках, которую нельзя было положить обратно.

Первые полмили ребёнок не двигался. Элдран ловил его дыхание сквозь собственную мокрую рубаху, прислушивался к каждому хрипу и думал о том, как легко человек привыкает к чужой беде, если она не смотрит ему в лицо. За последние месяцы на тракте стало больше брошенных телег, голодных собак и семей, которые просили не денег, а места у очага. Кто-то говорил о плохом урожае, кто-то — о новых сборах с северных земель. Старик знал лишь то, что беда редко приходит одна.

У перекрёстка он заметил женщину с вязанкой хвороста. Она отступила с дороги, увидев посох мага, а потом разглядела свёрток у него на руках.

— Это чей?

— Сейчас — мой груз. Если встретишь повитуху Марен, скажи, чтобы шла ко мне. Быстро.

Женщина не стала расспрашивать. Она бросила хворост под навес и побежала к деревне, подбирая юбку. Элдран почувствовал благодарность, но не успел её выразить.

Деревня Вейл появилась внизу, между двумя ручьями. Сорок с небольшим домов, мельница, кузница, деревянный мост и крыши, из которых поднимался дым. Место, где новости обычно распространялись быстрее, чем успевали произойти. Сегодня старик был этому рад.

У ворот собственного дома он едва не выронил ключ. Дверь разбухла от сырости и поддалась только с третьего удара плечом. Внутри пахло золой, сушёными травами и старой бумагой. Элдран положил ребёнка на широкую лавку, стянул с себя мокрый плащ и первым делом развёл огонь.

Мальчик зашевелился. Открыл рот, но вместо крика выдохнул короткий сиплый звук.

— Слышу, — сказал Элдран. — Ты прав. Медленно работаю.

Он нашёл чистую простыню, нагрел воду, проверил, не обожжёт ли она кожу, и осторожно вытер ребёнка. На правом плече обнаружилось крохотное тёмное пятно, похожее на родинку. Ни раны, ни метки клейма. Старик всё же запомнил его: если кто-нибудь объявится и потребует мальчика обратно, придётся задавать вопросы.

Марен вошла без стука, как входила всегда, когда подозревала, что хозяин способен умереть от собственного упрямства. За ней в дверях толпилась женщина с перекрёстка.

— Где он?

Элдран молча уступил место. Марен была невысокой, с грубыми красными руками и взглядом человека, который не привык тратить слова там, где нужны действия. Она положила ладонь ребёнку на живот, осмотрела глаза, губы, пальцы, послушала дыхание.

— Сколько пролежал на дороге?

— Не знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь меня, выживет ли он?

— Я ещё не спросил.

— Собирался.

Марен велела принести чистую ткань и попросила соседку разыскать кормящую мать. Элдран подал свёрток с лекарством, ради которого ходил в долину. Повитуха даже не взглянула на него.

— Потом. Сейчас мне нужна не твоя учёность, а тёплая комната.

— Комната тёплая.

— Пол холодный. Закрой ставню.

Он подчинился. Пока возился с заевшим крючком, за спиной послышался первый настоящий крик младенца — громкий, возмущённый, удивительно сильный. Элдран обернулся так резко, что ударился локтем о стену.

Марен коротко улыбнулась.

— Вот теперь у нас есть с кем спорить.

Марен попросила Элдрана выйти из комнаты. Он остался в дверях, пока она не пригрозила выгнать его посохом. На кухне старик обнаружил, что не помнит, куда положил сумку. Лекарство, ради которого он три дня мок под дождём, лежало на столе рядом с куском хлеба. Он смотрел на свёрток и не мог вспомнить, зачем вообще считал этот поход важным.

Из комнаты доносились короткие указания повитухи, шорох ткани, звяканье посуды. Элдран привычно пытался превратить их в признаки: если Марен говорит спокойно, значит, опасность миновала; если торопится, значит, ребёнку хуже. Но голос у неё оставался одинаковым. Наконец дверь приоткрылась, и Марен протянула ему мокрые пелёнки.

— Высуши. И не стой столбом.

— Скажи прямо, он будет жить?

— Прямо? Я не знаю. Ночью может подняться жар. Может не взять грудь. Может проснуться утром и орать так, что ты пожалеешь о своей доброте. Сейчас ему лучше. Это всё, что я могу обещать.

Элдран взял ткань. Ему хотелось потребовать большего, как когда-то требовали от него люди, уверенные, что маг обязан исправлять всякую беду. Но он знал цену таким требованиям. Ни одна сила не превращает вероятность в обещание. Он развесил пелёнки у очага, отодвинул от пламени и впервые за день позволил себе сесть.

Женщина, которую привели из соседнего дома, кормила мальчика у очага, а Элдран сидел напротив и старательно смотрел в огонь. Он давно не держал младенцев. В молодости ему казалось, что всё необходимое о человеческой жизни можно узнать из книг и бесед со взрослыми. С годами он убедился: это заблуждение особенно удобно тем, кто не хочет отвечать за других.

— Тебе не придётся оставлять его у себя, — сказала Марен, когда ребёнок уснул. — Староста может отправить в приют при южной дороге.

— Я знаю, где находится приют.

— И знаешь, что там ему будет тяжело.

— В Вейле тоже не дворец.

— В Вейле хотя бы ты.

Элдран поднял глаза.

— Это не тот довод, который ты думаешь.

Марен не стала спорить. Она завернула мальчика в сухое одеяло и объяснила, как часто его кормить, за чем наблюдать ночью и при каких признаках немедленно звать её снова. Старик повторил всё вслух, чтобы не перепутать. Марен посмотрела на него почти одобрительно.

К вечеру у двери появился староста Бренн — плотный мужчина с короткой бородой и привычкой держать шапку в руках даже там, где ему никто не приказывал. Он принёс хлеб и слишком много вопросов.

— Может, из торговых? Повозку не видели?

— Видел следы.

— А если за ним придут?

— Спрошу, почему не пришли раньше.

— Ты понимаешь, что это не ответ?

— Прекрасно понимаю.

Бренн понизил голос:

— На тракте ходят разговоры. В городе забирают детей у должников. Кто-то бежит через перевал. Я не хочу, чтобы за нами пришли чужие люди с оружием.

Элдран посмотрел на спящего младенца. Страх старосты был не трусостью: у него имелись жена, трое детей и сорок домов, за которые он отвечал. Старик мог позволить себе презирать осторожность, потому что слишком долго жил один.

— Если кто-то придёт с оружием, — сказал он, — сначала поговорит со мной. А ты запишешь, где и когда нашли мальчика. Без домыслов. Следы повозки, серую ткань, разрушенное святилище. Больше мы ничего не знаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.